

Новый цикл от автора истории ПЕРСИ ДЖЕКСОНА

ГЕРОИ ОЛИМПА

СЫН НЕПТУНА

МИРОВОЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

РИК РИОРДАН

Вселенная Перси Джексона

Рик Риордан
Сын Нептуна

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Сое)-44

Риордан Р.

Сын Нептуна / Р. Риордан — «Эксмо», 2012 — (Вселенная
Перси Джексона)

ISBN 978-5-04-151144-9

Перси Джексон вдруг обнаружил, что ничего не помнит о своем прошлом. И что побежденные чудовища — а обычными людьми эти летающие дамы со змеями вместо волос быть никак не могут — оживают снова и снова. В поисках ответов он приходит в секретный лагерь, где живут потомки римских богов. Перси знакомится с Хейзел, дочерью Плутона, и Фрэнком, сыном Марса. Вместе с новыми друзьями ему предстоит совершить невозможное: отправиться на Аляску и одолеть неуязвимого гиганта. Только так они смогут освободить бога смерти Танатоса — и спасти мир от власти бессмертных чудовищ... И только так Перси сумеет вернуть свою память и прежнюю жизнь. Перед вами вторая книга цикла «Герои Олимпа».

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-151144-9

© Риордан Р., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

1. Перси	6
2. Перси	11
3. Перси	19
4. Перси	25
5. Хейзел	34
6. Хейзел	38
7. Хейзел	44
8. Хейзел	48
9. Фрэнк	54
10. Фрэнк	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

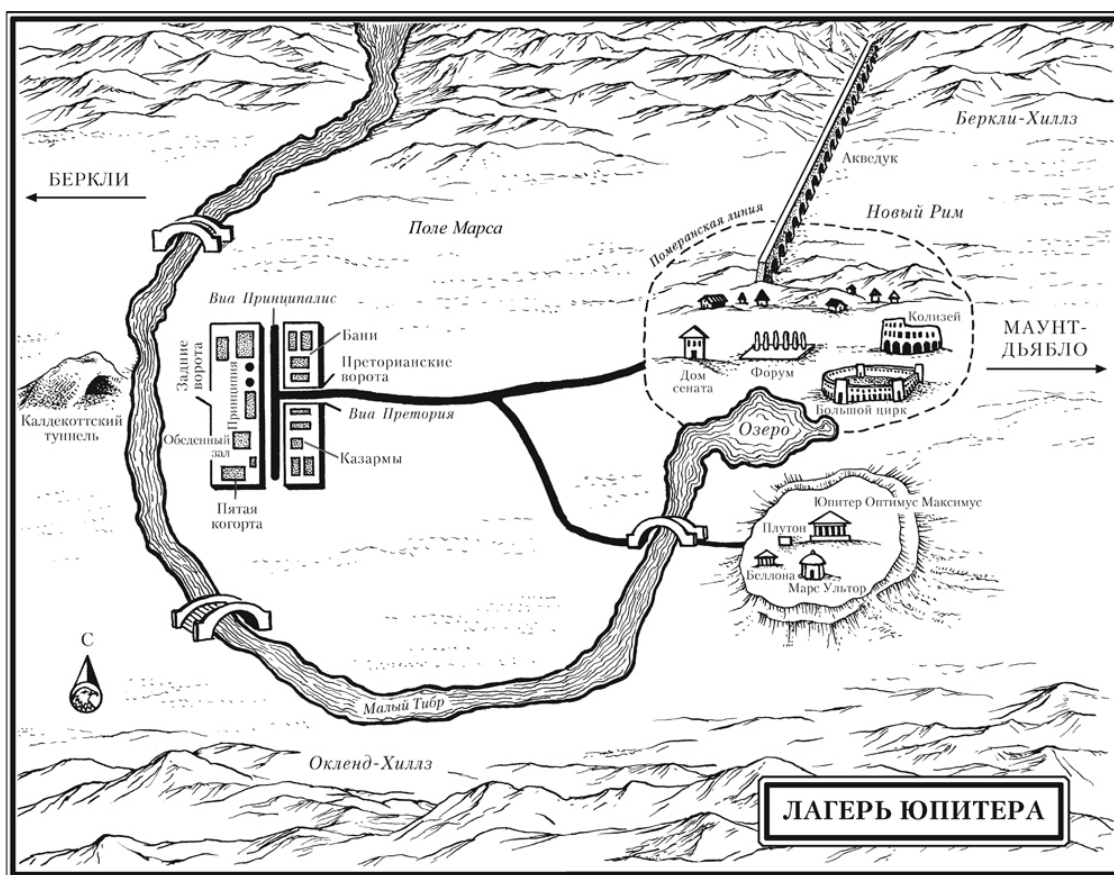
Рик Риордан Сын Нептуна

© Дёмина А.В., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Бекки, с которой я делю убежище в Новом Риме.
Даже Гера никогда не заставит меня забыть тебя.*

1. Перси

Эти леди со змеями вместо волос успели всерьез поднадоесть Перси.

Они должны были умереть три дня назад, когда он сбросил на них ящик с шарами для боулинга в дисконт-центре Напы. Они должны были умереть два дня назад, когда он переехал их на полицейской машине в Мартинесе. Они *определенно* должны были умереть этим утром, когда он отсек им головы в парке Тилден.

Но сколько бы раз Перси их ни убивал и ни смотрел, как они обращаются в пыль, они продолжали возвращаться подобно огромным и злым клочкам пыли. У него даже не получалось от них оторваться.

Поднявшись на холм, он остановился перевести дух. Сколько прошло времени с их последнего убийства? Может, часа два. Дольше они мертвыми еще не оставались.

Последние несколько дней он практически не спал. Ел все, что удавалось стянуть: желейных медведей из торговых автоматов, засохшие рогалики, даже фастфудный буррито – ниже падать уже просто некуда. Одежда его была вся порвана, местами прожжена и в пятнах от слези чудовищ.

Единственная причина, почему он все еще был жив, заключалась в том, что эти две леди со змеиными шевелюрами – они называли себя горгонами – тоже не могли его убить. Их когти не оставляли на его коже ни царапины, а зубы ломались всякий раз, когда они пытались его укусить. Но долго так продолжаться не может. Вскоре Перси свалится в изнеможении, и тогда, как бы ни было трудно покончить с ним, он не сомневается, что горгоны найдут способ.

Куда бежать?

Он посмотрел по сторонам. При других обстоятельствах он любовался бы видами. Слева поднимались волны золотых холмов, пестрящих озерами, кляксами лесов и парой-другой стад коров. Справа тянулись равнины Беркли и Окленда – бескрайняя шахматная доска городских районов, миллионы жителей которых явно будут не в восторге, если их утро омрачит встреча с двумя монстрами и грязным полубогом.

Еще дальше к западу поблескивала серебристая дымка залива Сан-Франциско. За ним простиралась стена тумана, и лишь верхушки небоскребов и башни моста «Золотые ворота» указывали на скрывающийся под ней город.

В груди Перси стало тяжело от неясной печали. Что-то подсказывало ему, что он уже бывал в Сан-Франциско. Город имел какое-то отношение к Аннабет – единственному человеку из его прошлого, кого он не забыл. Но воспоминания были раздражающе тусклыми. Волчица обещала, что он снова увидит Аннабет и вернет себе память – *если* его путешествие завершится успехом.

Может, пересечь залив?

Идея казалась заманчивой. Даже отсюда он чувствовал мощь океана, таящегося сразу за горизонтом. Вода всегда возвращает ему силы. Особенно соленая. Он сделал это открытие два дня назад, когда задушил морское чудовище в проливе Карквинес. Может, в заливе ему удастся разобраться с горгонами раз и навсегда – утопить их с концами? Но до берега минимум две мили. Ему придется пересечь целый город.

Но заколебался он по совсем другой причине. Волчица Лупа научила его обострять чувства – доверять инстинктам, ведущим Перси на юг. Его внутренний радар «дом» пищал сейчас как сумасшедший. Конец путешествия был уже близок – практически у него под ногами. Но как такое возможно? На холме было пусто.

Ветер сменился, и Перси уловил кислый запах рептилий. В сотне ярдов¹ ниже по склону в лесу что-то двигалось – трещали ветки, шуршали листья, им вторило шипение.

Горгоны.

Уже в миллионный раз Перси досаждали их чувствительные носы. Они постоянно говорили, что могут *уcatchать* его, потому что он полубог – сын-полукровка какого-то древнеримского бога. Перси пробовал извлекаться в грязи, переходил реки, даже сунул в карманы ароматизаторы воздуха, из-за чего от него теперь пахло как от новенького автомобиля, – но, похоже, замаскировать полубожественную вонь было сложно.

Он перебежал на западную часть вершины. Спуститься здесь было нереально: восемьдесят футов² крутого склона, заканчивающегося прямо у крыши многоквартирного дома. Еще пятьдесят футов ниже от подножия холма в сторону Беркли тянулось шоссе.

Ну здорово. Он умудрился сам себя загнать в угол.

Перси уставился на поток машин, направляющихся на запад, к Сан-Франциско. Вот бы оказаться в одной из них! И тут его осенило, что шоссе проходит через холм, а значит, прямо под ним есть туннель.

Его внутренний радар завизжал как резаный поросенок: он в *правильном* месте, просто слишком высоко. Туннель – вот его цель! Нужно только найти путь вниз, на шоссе – и быстро.

Перси сбросил рюкзак. Ему удалось захватить из дисконт-центра в Напе немало полезного: портативный GPS-навигатор, скотч, зажигалку, суперклей, бутылку воды, туристический коврик, «комфортную подушку» в виде панды (совсем как в рекламе по телевизору) и швейцарский армейский нож – по сути, все необходимое современному полубогу. Но ничего, что могло сойти за парашют или санки, у него с собой не было.

Оставалось два варианта: прыгнуть с высоты восемьдесят футов навстречу смерти либо остаться здесь и сражаться. Обе перспективы были нерадостными.

Он выругался и достал из кармана ручку.

На вид она не представляла собой ничего особенного – обычная дешевая шариковая ручка, – но стоило Перси снять колпачок, как она превратилась в сияющий бронзовый меч с идеально сбалансированным клинком и обтянутой кожей рукоятью, будто созданной по слепку его ладони. Вдоль гарды было высечено древнегреческое слово, значение которого Перси откуда-то знал: «Анаклузмос» – разрывное течение³.

Меч был при нем, когда он проснулся в свою первую ночь в Волчьем доме... Два месяца назад? Больше? Он потерял счет времени. Тогда он обнаружил себя во дворе сгоревшего особняка посреди леса, в одних шортах и оранжевой футболке. На шее у него висел кожаный шнурок со странными глиняными бусинами, в руке был Анаклузмос, но Перси понятия не имел, как там оказался, не говоря уж о весьма смутном представлении, кто он вообще такой. Он был босиком, замерз и сбит с толку. А потом пришли волки...

Раздавшийся совсем рядом знакомый голос вернул его в настоящее:

– Вот ты где!

Перси отпрянул от горгоны и едва не сорвался с края холма.

Эта была более улыбчивая из двух – Беано.

Ладно, на самом деле ее звали не Беано. Насколько понял Перси, у него была дислексия⁴, судя по тому, как искажались слова при попытке их прочесть. Впервые он увидел эту горгону

¹ Ярд – традиционная английская мера длины. 1 ярд равен 3 футам или 36 дюймам и примерно 0,9 м. (*Здесь и далее примечания редактора.*)

² Фут приблизительно равен 0,3 м.

³ Разрывное (отбойное) течение образуется во время отлива и направлено под прямым углом от берега в глубь моря. Может быть очень опасно для пловцов, особенно когда возникает в узких проливах между косами и островами.

⁴ Избирательное расстройство, для которого характерно нарушение способности к усвоению навыков чтения и письма, при этом способность к обучению вообще сохраняется.

в дисконт-центре, где она работала зазывалой, и на груди у нее красовался большой зеленый значок с надписью «Добро пожаловать! Меня зовут СФЕНО». Но он прочел это как «БЕАНО».

Она все еще была в зеленой жилетке работника дисконт-центра поверх цветастого платья. Из-за него она напоминала чью-то коренастую старую бабушку, но стоило опустить взгляд – и глаза натывались на петушиные ноги. А если посмотреть вверх – можно было увидеть торчащие из уголков рта бронзовые кабаньи клыки. Глаза горгоны светились красным, а вместо волос копошилось гнездо извивающихся ярко-зеленых змей.

Но знаете, что в ней было самое ужасное? Она продолжала держать в руках большое серебряное блюдо с бесплатными образцами «хрустящих сосисок с сыром»! Само блюдо изрядно помялось в ходе всех попыток Перси избавиться от монстра, но эти маленькие кусочки выглядели совершенно нетронутыми. Сфено пронесла их по всей Калифорнии в надежде угостить Перси перед тем, как его убить. Он понятия не имел, зачем ей это, но если ему когда-нибудь понадобится броня, «хрустящие сосиски с сыром» станут его первым выбором. Они были несокрушимы.

– Попробуешь? – предложила Сфено.

Перси отогнал ее мечом:

– Где твоя сестра?

– Ой, да убери ты этот меч, – поморщилась Сфено. – Ты уже должен был понять, что небесная бронза надолго нас не убивает. Возьми сосисочку с сыром! Они на этой неделе по скидке, а мне будет ужасно неприятно убивать тебя голодным.

– Сфено! – Вторая горгона возникла справа от Перси так неожиданно, что он не успел среагировать. К счастью, ее свирепый взгляд пока был направлен на сестру. – Я сказала незаметно подкрасться к нему и убить!

Улыбка Сфено слегка увяла:

– Но, Эвриала... Можно я сначала дам ему образец?

– Нет, идиотка! – Эвриала повернулась к Перси и оскалилась. Не считая шевелюры, состоящей из гнезда коралловых змей, она выглядела точной копией сестры. Всю ее рабочую жилетку, платье в цветочек и даже клыки украшали наклейки «—50 %». На ее бейджике значилось: «Здравствуйте! Меня зовут УМРИ, НИЧТОЖНЫЙ ПОЛУБОГ!»

– Ты заставил нас за собой погоняться, Перси Джексон, – Эвриала прищурилась. – Но теперь ты в ловушке, и мы наконец отомстим!

– Сосисочки с сыром всего за два доллара девяносто девять центов! – не к месту добавила Сфено. – Гастрономический магазин, третий ряд!

Эвриала зарычала:

– Сфено, дисконт-центр был *прикрытием*! Ты слишком там прижилась! А теперь опусти свой дурацкий поднос и помоги убить этого полубога! Или ты забыла, что это он распылил Медузу?!

Перси попятился. Еще шесть дюймов⁵ – и он рухнет.

– Слушайте, леди, мы это уже проходили. Я даже не *помню*, как убивал Медузу. Я вообще ничего не помню! Может, объявим перемирие и обсудим ваши недельные скидки?

Надув губы, что при наличии огромных бронзовых клыков сделать довольно сложно, Сфено посмотрела на сестру:

– Давай, а?

– Нет! – Красные глаза Эвриалы впились в Перси. – Мне все равно, что ты помнишь, сын бога морей. Я чую на тебе кровь Медузы. Она едва различима, признаю, ей уже несколько лет, но это *ты* победил ее последним. И она *пока еще* не вернулась из Тартара. По твоей вине!

⁵ Дюйм равен 2,54 см.

Перси не очень понимал, что она имеет в виду. У него голова болела от всей этой концепции «умирания и последующего возвращения из Тартара». Хотя от осознания, что шариковая ручка способна превращаться в меч, или что чудовища скрывают свой истинный облик с помощью какого-то тумана, или что он сын инкрустированного раковинами бога возрастом пять тысяч лет, было не легче. Но Перси во все это *верил*. Даже со стертой памятью знал, что он полубог, с той же ясностью, как то, что его собственное имя Перси Джексон. Еще во время их первого разговора с Лупой он смирился с тем, что является частью этого безумного и запутанного мира богов и монстров. К большому своему сожалению.

– А как насчет ничьей? – предложил он. – Я не могу убить вас. Вы не можете убить меня. Если вы сестры Медузы – *той самой* Медузы, которая превращала людей в камень, – разве я не должен был уже давно обратиться статуей?

– Герои! – с отвращением воскликнула Эвриала. – Только об этом и твердят, прямо как наша мама! «Почему ты не можешь превращать людей в камень? Твоя *сестра* же может!» Ну извини, что разочаровала, мальчик! Это проклятие касалось *одной* Медузы. Она была самой ужасной в нашей семье. Ей повезло больше всех.

– Мама говорила, что я самая ужасная! – расстроилась Сфено.

– Молчать! – рявкнула Эвриала. – А что касается тебя, Перси Джексон, это правда – ты несешь на себе метку Ахиллеса. Поэтому убить тебя немного сложно. Но не волнуйся. Мы найдем способ.

– Метку чего?

– Ахиллеса! – радостно повторила Сфено. – О, он был такой *классный*! Его ребенком окунули в реку Стикс, представляешь, поэтому он был неуязвим – если не считать пятки. То же самое случилось с тобой, дорогуша. Кто-то пихнул тебя в Стикс, и теперь твоя кожа как железо. Но не волнуйся: у таких героев, как ты, всегда есть слабое место. Нам просто нужно его найти, и тогда мы сможем тебя убить. Разве не чудесно? Возьми сосисочку!

Перси лихорадочно размышлял. Он не помнил никаких купаний в Стиксе. С другой стороны, он вообще мало что помнил. На ощупь его кожа совсем не казалась железной – но это объясняет, как ему удалось так долго продержаться против горгон.

А если он просто упадет с горы... он выживет? Но рисковать не хотелось – предпочтительнее найти что-нибудь, что замедлило бы падение: или сани, или... Его взгляд остановился на большом серебряном подносе Сфено, полном бесплатных образцов.

Хм-м...

– Обдумываешь мое предложение? – спросила Сфено. – Очень мудро, дорогуша. Я добавила в них немного горгонской крови, поэтому твоя смерть будет быстрой и безболезненной.

У Перси перехватило горло:

– Ты добавила в сосиски свою кровь?!

– Всего чуточку, – улыбнулась Сфено. – Царапнула легонько руку. Но это так мило с твоей стороны – побеспокоиться обо мне. Понимаешь, кровь из правой половины нашего тела может исцелить абсолютно все, а вот кровь из левой – смертельна...

– Тупица! – завизжала Эвриала. – Нельзя было ему об этом рассказывать! Он не станет есть сосиски после того, как ты сказала, что они отравлены!

– Нет? – обескураженно спросила Сфено. – Но ведь я обещала, что это будет быстро и безболезненно!

– Неважно! – Ногти Эвриалы выросли и превратились в когти. – Мы уьем его по-плохому – будем резать, пока не найдем слабое место. Победив Перси Джексона, мы станем более знамениты, чем Медуза! Наша покровительница щедро нас наградит!

Перси сжал рукоять меча. Важно было подгадать момент – отвлечь их на пару секунд, схватить поднос левой рукой...

«Пускай болтают», – подумал он.

– Пока вы еще не порезали меня на кусочки, может, скажете, кто она, эта ваша покровительница?

Эвриала ухмыльнулась:

– Богиня Гея, конечно же! Та, что вернула нас из небытия! Ты не доживешь до встречи с ней, но ее гнев обрушится на твоих друзей внизу. Уже сейчас ее армии маршируют на юг. В час Пира Фортуны она проснется – и полубоги будут сметены, как... как...

– ...как на распродажах в дисконт-центре! – предложила Сфено.

– Гах! – Эвриала прыгнула на сестру.

Перси воспользовался шансом: схватив блюдо Сфено и рассыпав при этом ядовитые сосиски, он перерубил Эвриалу Анаклузмосом пополам в районе талии. После чего поднял перед собой блюдо – и Сфено оказалась нос к носу с собственным засаленным отражением.

– Медуза! – вскрикнула она.

Ее сестра обернулась пылью, но тело Эвриалы тут же начало восстанавливаться, словно в прокрученной наоборот записи тающего снеговика.

– Сфено, ты дура! – пробулькала гора пыли, из которой выросло частично сформированное лицо. – Это всего лишь твое отражение! Взять его!

Треснув металлическим подносом Сфено по макушке и вырубив, Перси прижал поднос к задку и, мысленно помолившись тому римскому богу, кто заведовал экстремальными трюками на санках, спрыгнул с холма.

2. Перси

Что плохо в скатывании по склону на блюде для закусок со скоростью пятьдесят миль в час?⁶ Если ты на середине пути придешь к выводу, что это не лучшая идея, будет уже поздно.

Перси едва не врезался в дерево, потом отскочил от валуна и закрутился вокруг своей оси – а до шоссе еще нестись и нестись. И почему никто не додумался приделать к этому глупому блюду руль?!

Сзади кричали сестры-горгоны, и он успел разглядеть на вершине холма коралловых змей Эвриалы, но думать об этом было некогда. Крыша многоквартирного дома приближалась быстро и неумолимо, подобно носу линкора. Столкновение лоб в лоб через десять секунд... девять... восемь...

Ему удалось развернуться боком и избежать переломов ног. Блюдо прокатилось по крыше и, взметнувшись в воздух, полетело в одну сторону – а Перси в другую.

Пока он падал на шоссе, в его голове промелькнул жуткий сценарий – он размазывается лепешкой о лобовое стекло внедорожника, а раздраженный водитель пытается оттереть его дворниками: «Не хватало еще, чтобы всякие шестнадцатилетние болваны сваливались на меня с неба! Я опаздываю!»

Каким-то чудом его слегка отнесло в сторону порывом ветра – достаточно, чтобы рухнуть не на шоссе, а в кусты. Не особо мягкая посадка, но уж точно лучше, чем на асфальт. Перси застонал. Ему хотелось отключиться прямо там, в зарослях, но останавливаться было нельзя.

Он с трудом встал. Руки были все исцарапаны, но, кажется, ничего не сломано. Рюкзак тоже уцелел. Во время спуска потерялся меч, но Перси знал, что скоро тот в форме ручки сам вернется в карман. Это было одно из его магических свойств.

Он посмотрел вверх по склону. Горгон было трудно не заметить, учитывая их красочные змеиные шевелюры и ярко-зеленые жилетки дисконт-центра. Они целеустремленно спускались – не так быстро, как Перси, но намного грациознее: похоже, их окорочка неплохо приспособлены для карабканья по горной местности. Перси прикинул, что у него есть минут пять, прежде чем они его догонят.

Неподалеку высокий проволочный забор отделял шоссе от жилого района с ветреными улицами, уютными домами и высокими эвкалиптами. Забор, скорее всего, установили, чтобы не пускать людей на шоссе, где они могут натворить каких-нибудь глупостей – например, выкатиться на дорогу на подносе, – вот только он весь пестрел большими дырами. Перси ничего бы не стоило пролезть в одну из них, а дальше можно найти машину и уехать на запад, к океану. Ему было не по нутру угонять автомобили, но за последние недели, находясь в критических ситуациях, он уже «позаимствовал» несколько, включая патрульную машину. Он собирался их вернуть, но ни один автомобиль долго не продержался.

Перси бросил взгляд на восток. Как он и предполагал, в сотне ярдов выше по склону в подножии холма были пробиты два туннеля – по одному для каждого направления движения, – и они смотрели на него, как пустые глазницы гигантского черепа. Между ними, на месте носа, была цементная стена с металлической дверью, похожей на вход в бункер.

Смертные наверняка думали, что там проходит технический туннель – если вообще замечали эту дверь. Но они не могли видеть сквозь туман. А для Перси было очевидно, что она представляет собой нечто большее.

⁶ То есть примерно 80,5 км/ч. Одна миля в США и Британии сейчас составляет 1609,344 метра. Интересно, что эта мера длины возникла в Древнем Риме. Само слово происходит от *mille passus* (лат.) и означает 1000 двойных шагов, которые проходят римские солдаты в полном облачении на марше.

По бокам от входа стояли двое ребят в доспехах – причудливой смеси из римских шлемов с гребнями, нагрудников, ножен, синих джинсов, фиолетовых футболок и белых кроссовок. Стражником справа, кажется, была девушка, хотя под всем этим обмундированием сложно сказать наверняка. Слева стоял крупный парень с луком и колчаном за спиной. Оба держали длинные деревянные посохи с железными наконечниками, напоминающие старинные гарпуны.

Внутренний радар Перси истерически пищал. После всех этих невыносимых дней он наконец-то достиг цели. Инстинкты кричали, что, если ему удастся зайти в ту дверь, он окажется в безопасности впервые с того момента, как волки отправили его на юг.

Так почему же ему так страшно?

Горгоны уже перебирались через крышу многоквартирного дома. У него оставалось минуты три, если не меньше.

Что-то в нем порывалось стремглав броситься к двери в холме. Ему придется пересечь скоростной ряд шоссе, но после этого до нее будет рукой подать. Горгоны не успеют его нагнать.

Но что-то его останавливало и требовало отправиться на запад. Там будет безопаснее. Там его силы будут на максимуме. Эти римские стражники заставляли его нервничать. Тихий внутренний голос твердил: «Это не моя территория. Здесь опасно».

– Ты прав, разумеется, – произнес кто-то за его спиной.

Перси подпрыгнул. В первую секунду он решил, что Сфено опять удалось незаметно подобраться к нему, но сидящая в кустах старуха выглядела еще более отталкивающе, чем горгона. Она напоминала хиппи, лет сорок назад выброшенную на обочину, где с тех пор собирала мусор и тряпки. На ней было платье, сшитое из покрашенной вручную ткани, рваных лоскутов от стеганых одеял и полиэтиленовых магазинных пакетов. Дикую шевелюру из серо-коричневых кудряшек, напоминающих пену от корневого пива, сдерживала головная повязка с пацификом, а лицо покрывали бородавки и родинки. Она улыбнулась, продемонстрировав ровно три зуба.

– Это не технический туннель, – доверительно сообщила она. – Это вход в лагерь.

По позвоночнику Перси словно пропустили разряд тока. *Лагерь*. Да, вот откуда он пришел! Из лагеря. Может, здесь его дом. Может, Аннабет неподалеку.

Но что-то было не так.

Горгоны пока еще не спустились с крыши многоквартирки. Вдруг Сфено радостно взвизгнула и указала в сторону Перси.

Старая дама-хиппи вскинула брови:

– У тебя осталось мало времени, дитя. Пора сделать выбор.

– Кто ты? – спросил Перси, хотя на самом деле не горел желанием узнать. Еще не хватало, чтобы очередной безобидный смертный превратился в чудовище.

– О, можешь звать меня Юно. – Глаза старухи сверкнули как от удачной шутки. – Сейчас ведь июнь. Этот месяц называли в мою честь!

– Ладно... Слушай, мне нужно идти. За мной гонятся две горгоны. Я не хочу, чтобы ты пострадала.

Юно прижала ладони к груди:

– Как мило! Но это часть твоего выбора!

– Моего выбора...

Перси нервно взглянул на холм. Горгоны сняли свои зеленые жилетки, и у них из спины выросли крылья как у летучих мышей, небольшие и отливающие латунию. Когда это они успели обзавестись *крыльями*? Или они больше для украшения? Не слишком ли они малы, чтобы поднять горгону в воздух?

Но тут обе сестры спрыгнули с крыши и спланировали в его сторону.

Здорово. Просто здорово.

– Да, выбор, – неторопливо продолжила Юно. – Ты можешь оставить меня здесь на растерзание горгонам и уйти к океану. Ты доберешься до него в целостности и сохранности, гарантирую. Горгоны будут счастливы напасть на меня и дадут тебе сбежать. В море ни один монстр тебя не потревожит. Сможешь начать новую жизнь, доживешь до глубокой старости и избежишь всех тех бесчисленных страданий и горестей, которые ждут тебя в будущем.

Перси практически не сомневался, что второй вариант ему не понравится:

– Или?

– Или ты можешь помочь старушке. Отнеси меня в лагерь.

– Отнести тебя?!

Перси надеялся, что она шутит. Но Юно приподняла полы юбки и продемонстрировала ему отечные фиолетовые ноги:

– Я не могу добраться туда сама. Отнеси меня в лагерь – через шоссе, по туннелю и через реку.

Перси понятия не имел, о какой реке идет речь, но задача представлялась не из легких. Юно не выглядела пушинкой.

Горгоны были уже в каких-то пятидесяти ярдах – они неспешно скользили по воздуху, будто знали, что охота подходит к концу.

Перси посмотрел на старуху:

– И я должен отнести тебя в лагерь, потому что...

– ...потому что это будет добрый поступок! И если ты этого не сделаешь – боги умрут, известный тебе мир будет уничтожен, и все, кого ты знал в своей прежней жизни, погибнут. Хотя, конечно, ты их не вспомнишь, так что, пожалуй, это не имеет значения. Ты будешь в безопасности на дне моря...

Перси сглотнул. Горгоны приближались, довольно хохоча в предчувствии убийства.

– Если я пойду в лагерь, – спросил он, – память ко мне вернется?

– Со временем, – ответила Юно. – Но учти, тебе придется многим пожертвовать! Ты лишишься метки Ахиллеса. Ты познаешь боль, несчастья и потери, страшнее которых тебе еще не приходилось переживать. Но у тебя появится шанс спасти своих старых друзей и семью, вернуть свою прежнюю жизнь.

Горгоны кружили прямо над ними – должно быть, присматривались к старухе, пытаясь понять, кто этот новый игрок, прежде чем броситься в атаку.

– А что насчет стражников у двери? – спросил Перси.

Юно улыбнулась:

– О, они тебя пропустят, дружок. Этим двоим ты можешь доверять. Так что скажешь? Поможешь беспомощной старой женщине?

Перси сомневался, что Юно была беспомощной. В худшем случае это ловушка. В лучшем – некий тест.

Перси ненавидел тесты. Из-за потери памяти вся его жизнь стала одним сплошным незаполненным бланком ответов. Он был _____, родом из _____. Чувствовал себя как _____, а если монстры его поймут, он станет _____.

Затем он подумал об Аннабет, единственном осколке прошлой жизни, в котором был уверен. Он *должен* ее найти.

– Я тебя отнесу, – он подхватил старуху на руки.

Она оказалась легче, чем он думал. Перси старался не обращать внимания на ее несвежее дыхание и вцепившиеся ему в шею мозолистые руки. Он пересек первую полосу. Один водитель загудел. Другой что-то крикнул, но ветер отнес слова в сторону. Большинство же просто объезжали его с недовольными лицами, словно им постоянно приходится иметь дело с грязными подростками, переносящими старых хиппи через автостраду Беркли.

Их накрыла тень, и Сфено радостно закричала сверху:

– Умный мальчик! Нашел себе богиню и теперь несешь ее, да?
Богиню?

Юно довольно захихикала и притворно ойкнула, когда их едва не сбила машина.

Откуда-то слева донесся вопль Эвриалы:

– Держи их! Два трофея лучше, чем один!

Перси бегом преодолел все полосы и даже остался жив. Горгоны пикировали к самым крышам автомобилей, вынуждая водителей выкручивать руль. Перси на секунду задумался: что видели смертные сквозь туман – гигантских пеликанов? Сбившиеся с курса дельтапланы? Волчица Лупа говорила, что разум обычного человека может поверить практически во все что угодно – кроме правды.

Перси побежал к двери в склоне. С каждым шагом Юно становилась тяжелее. Сердце Перси грохотало. Ребра ныли.

Один из стражников предупреждающе крикнул. Парень с луком выдернул из колчана стрелу.

– Стойте! – заорал Перси.

Но парень целился не в него. Стрела пролетела над головой Перси, а за этим последовал страдальческий вопль горгоны. Второй стражник занес копье для броска и свободной рукой замахал Перси, призывая поторапливаться.

Пятьдесят футов до двери. Тридцать.

– Есть! – завизжала Эвриала.

Перси обернулся в тот самый момент, когда ей в лоб вонзилась стрела. Эвриала рухнула на скоростную полосу прямо перед мчащимся грузовиком. Он утащил ее на сотню ярдов дальше, но горгона просто взобралась на кабину, выдернула из головы стрелу и снова взлетела.

Перси затормозил у двери.

– Спасибо, – сказал он стражникам. – Классный выстрел.

– Почему она не умерла?! – возмутился лучник.

– Добро пожаловать в мой мир, – пробормотал Перси.

– Фрэнк, – вмешалась девушка, – заведи их внутрь, скорее! Это горгоны!

– Горгоны? – фальцетом повторил лучник. Из-за шлема сложно было сказать что-то о его внешности, но фигурой он напоминал рестлера, а лет ему было, наверное, четырнадцать-пятнадцать. – А дверь их удержит?

Юно на руках у Перси захихикала:

– Нет, не удержит. Вперед, Перси Джексон! По туннелю и через реку!

– Перси Джексон? – Стражница была темнокожей с кудрявыми волосами, по бокам выбивающимися из-под шлема. Она выглядела младше Фрэнка – может, лет тринадцать. Ножны ее меча почти касались лодыжки. Но судя по тону, из этих двоих именно она была главной. – Ладно, ты, очевидно, полубог. А кто она?.. – Она покосилась на Юно. – Неважно. Просто бегите внутрь. Я их задержу.

– Хейзел, – возразил парень, – не сходи с ума!

– Ну же! – закричала она.

Фрэнк выругался на незнакомом языке – латынь? – и открыл дверь:

– Бежим!

Перси последовал за ним, спотыкаясь под тяжестью старухи, которая *определенно* прибавляла в весе. Он не знал, как Хейзел собирается в одиночку сдерживать горгон, но сил на споры у него не осталось.

Туннель, прорубленный в скале, размерами напоминал школьный коридор. Поначалу он выглядел как самый обычный технический проход с электрическими кабелями, предупреждающими знаками, трансформаторами на стенах и лампочками в проволочных сетках на потолке. Но затем цементный пол перешел в плиточный, а лампочки сменились настенными факелами,

которые горели, но не дымили. В нескольких сотнях ярдов впереди забрезжил прямоугольник солнечного света.

Старуха по ощущениям была уже как куча мешков с песком. Руки Перси дрожали от напряжения. Юно мурлыкала на латыни что-то вроде колыбельной, и концентрации Перси это никак не помогало.

По туннелю разнеслось эхо голосов горгон. Хейзел вскрикнула. Перси очень хотелось бросить Юно и побежать ей на помощь, но вдруг весь проход заходил ходуном, загрохотали падающие камни. До него донесся знакомый писк – Перси уже слышал его, когда уронил на горгон ящик с шарами для боулинга в Напе. Он оглянулся. Западный конец туннеля скрылся в пыльном облаке.

– Может, проверить, как там Хейзел? – спросил он.

– С ней все будет в порядке... Я надеюсь, – ответил Фрэнк. – Она отлично чувствует себя под землей. Не останавливайся! Мы почти на месте.

– Где именно?

Юно усмехнулась:

– Куда ведут все дороги, дитя. Ты должен это знать.

– В тюрьму? – спросил Перси.

– В Рим, дитя, – ответила старуха. – В Рим.

Перси решил, что ослышался. Действительно, он потерял память, и с момента пробуждения в Волчьем доме его голова работала с перебоями – но он точно знал, что Рим не в Калифорнии.

Они продолжали бежать. Свет в конце туннеля стал ярче, и наконец они выскочили под открытое небо.

Перси застыл. Перед ним простиралась чашевидная долина шириной в несколько миль. Ее дно представляло собой россыпь невысоких холмов, золотых полей и лесистых островков. Небольшая прозрачная река вытекала из озера в центре и огибала периметр в виде заглавной G.

Природа соответствовала Северной Калифорнии – дубы и эвкалипты, золотые холмы и голубое небо. Вдалеке, именно там, где она и должна быть, высилась знакомая гора – как же она называется? Дьябло?

Но у Перси возникло такое чувство, будто он вступил в тайный мир. На берегу озера стоял небольшой город с белыми мраморными зданиями с красными черепичными крышами. У одних были купола и портики с колоннами, как у национальных памятников. Другие золотыми дверями и большими садами напоминали дворцы. Он различил открытую центральную площадь с установленными вразнобой колоннами, фонтанами и статуями. Рядом с овальной ареной вроде ипподрома поблескивал на солнце римский Колизей высотой в пять этажей.

Холм к югу от озера усеивали еще более поразительные постройки – Перси предположил, что это храмы. Несколько каменных мостов пересекали реку по всей протяженности ее изгиба в долине, а от северных холмов к городу тянулось какое-то длинное кирпичное сооружение из арок – что-то вроде поднятых над землей железнодорожных путей. Затем до Перси дошло, что это, должно быть, акведук.

Но самая странная часть долины находилась прямо напротив него. В двухстах ярдах впереди, сразу через реку, был разбит некоего рода военный лагерь общей площадью около четверти квадратной мили, с земляными валами по периметру, пестрящими острыми пиками. Пустые рвы, огибающие валы с внешней стороны, тоже щетинились пиками. Сторожевые башни на углах полигона были оборудованы огромными арбалетами, за которыми стояли часовые. По стенам башен спускались фиолетовые знамена. В дальней стене лагеря, выходящей на город, были широкие ворота, а в той, вдоль которой протекала река, – еще одни, поменьше и закрытые. Внутри укреплений кипела жизнь: дюжины ребят входили и выходили из барakov,

переносили оружие, полировали доспехи. Перси услышал перестук молотов в кузнице и уловил аромат жарящегося на огне мяса.

Это место казалось страшно знакомым – но в то же время что-то в нем было не так.

– Лагерь Юпитера, – сказал Фрэнк. – Мы будем в безопасности, как только...

Его перебил топот из туннеля, и на свет выбежала Хейзел – вся в каменной пыли и тяжело дыша. Шлем она где-то потеряла, и ее коричневые кудри рассыпались по плечам. На доспехах спереди виднелись борозды длинных царапин от когтей горгоны. Одна из сестер успела прилепить на нее наклейку «—50 %».

– Я их замедлила, – сообщила девушка. – Но в любую секунду они будут здесь.

Фрэнк выругался:

– Нужно перебраться через реку.

Юно крепче обхватила шею Перси:

– Да-да, пожалуйста. Я не могу намочить платье!

Перси прикусил язык. Если эта леди и правда богиня, то, по всей видимости, богиня дурно пахнущих, неподъемных и бесполезных хиппи. Но он уже так далеко зашел, что дотащит ее до победного конца.

«Это будет добрый поступок, – вспомнил он ее слова. – И если ты этого не сделаешь, боги умрут, известный тебе мир будет уничтожен, и все, кого ты знал в своей прежней жизни, погибнут».

Если это тест, он не может его провалить.

По пути к реке он несколько раз споткнулся, но Фрэнк и Хейзел помогли ему устоять.

На берегу Перси остановился немного передохнуть. Течение было быстрым, но река не выглядела глубокой. До ворот крепости на другой стороне оставалось совсем ничего.

– Хейзел, иди с Перси, чтобы часовые его не застрелили. – Фрэнк выдернул из колчана сразу две стрелы. – Моя очередь сдерживать злодеев.

Хейзел кивнула и шагнула в реку.

Перси хотел последовать за ней, но что-то его удержало. Обычно он любил воду, но эта река казалась... могущественной и необязательно дружелюбной.

– Малый Тибр, – с сочувствием в голосе сказала Юно. – Его воды несут в себе мощь настоящего Тибра, главной имперской реки. Это твой последний шанс повернуть назад, дитя. Метка Ахиллеса – греческое благословение. Ты не сможешь сохранить ее, ступив на римскую территорию. Тибр ее смоем.

Перси так устал, что понял ее не до конца, но суть уловил:

– Если я пересеку реку, моя кожа перестанет быть как железо?

Юно улыбнулась:

– Так что ты выберешь? Безопасность или будущее, полное боли и возможностей?

Позади из туннеля с пронзительными воплями вылетели горгоны. Фрэнк выпустил стрелы.

Хейзел закричала с середины реки:

– Перси, скорее!

На сторожевых башнях затрубили горны. Часовые зашумели и развернули арбалеты в сторону горгон.

«Аннабет», – подумал Перси. И побрел через реку. Вода была ледяной, а течение намного стремительнее, чем он полагал, но оно его не беспокоило. От ступней по всему телу разлилась свежая волна силы. Чувства обострились как от чашки кофе. Он поднялся на противоположный берег и поставил старуху на ноги перед открытыми воротами лагеря, из которых хлынула толпа вооруженных ребят.

Хейзел повернулась к нему и улыбнулась с облегчением. Затем посмотрела за плечо Перси – и по ее лицу разлился ужас:

– Фрэнк!

Фрэнк был уже на середине реки, когда горгоны спикировали к нему и, схватив за руки, впились когтями в кожу, заставив заорать от боли.

Часовые закричали, но Перси видел, что возможности для выстрела нет: они бы убили Фрэнка. Несколько ребят, обнажив мечи, приготовились бежать к воде, но они бы не успели.

Был только один выход.

Перси вытянул руки перед собой. В животе появилось сильное тянущее ощущение – и Тибр подчинился. Река всколыхнулась. По бокам от Фрэнка появились водовороты. Из потока, повторяя движения Перси, выросли гигантские водяные руки и, схватив горгон, которые от неожиданности выронили добычу, подняли пищащих монстров, стиснув их жидкими пальцами.

Перси слышал, как другие ребята загомонили и отпрянули, но отвлечься не посмел. Он резко разжал кулаки – и гигантские руки шмякнули горгон о дно Тибра. Чудовища обратились в пыль. Поблескивающие облачка горгонской эссенции попытались вновь слиться воедино, но река размолочила их не хуже блендера, и вскоре последние останки монстров унесло течением. Водовороты исчезли, и Тибр пришел в норму.

Перси остался стоять на берегу. От его одежды и кожи валил пар, как если бы вместо воды в реке была кислота. Он чувствовал себя уязвимым, ранимым... беззащитным.

Фрэнк неуклюже брел с середины Тибра: он выглядел ошарашенным, но в целом невредимым. Хейзел пошла ему навстречу и помогла выйти на сушу. Только тогда Перси осознал, что вокруг воцарилась тишина.

Все смотрели на него. И лишь старуха Юно казалась совершенно невозмутимой.

– Что ж, прогулка вышла приятной, – сказала она. – Спасибо тебе, Перси Джексон, что доставил меня в Лагерь Юпитера.

Одна из девушек хрипло ахнула:

– Перси... Джексон?!

Судя по тону, она знала это имя. Перси искал ее глазами в надежде увидеть знакомое лицо.

Типичный лидер. Поверх доспехов на ней был парадный пурпурный плащ. Грудь увешана медалями. На вид ровесница Перси, с темными пронзительными глазами и длинными черными волосами. Перси ее не узнал, но девушка смотрела на него так, словно не один раз видела его в кошмарах.

Юно довольно засмеялась:

– О да! Вместе вам будет так весело! – И вдруг, словно этот день и без того не был богат на странности, тело старухи засветилось и начало меняться. Она стала расти, пока не превратилась в сияющую семифутовую богиню в голубом платье и наброшенной на плечи накидке, кажется, из козьей шкуры. Ее лицо было суровым и преисполненным достоинства. Рука сжимала посох, увенчанный цветком лотоса.

Невероятно, но обитатели лагеря выглядели еще более потрясенными. Девушка в пурпурном плаще опустила на колени. Остальные последовали ее примеру, и один юноша так заторопился, что едва не проткнул себя мечом.

Первой подала голос Хейзел:

– Юнона.

Они с Фрэнком тоже преклонили колени, и Перси единственный остался на ногах. Он знал, что следовало бы к ним присоединиться, но сейчас, после того как он носил старуху на руках, он не горел желанием выказывать ей особое уважение.

– Юнона, значит? – прищурился он. – Если я прошел твой тест, можно мне получить назад свои память и жизнь?

Богиня улыбнулась:

– Всеу свое время, Перси Джексон. Сначала ты должен добиться успеха здесь, в лагере. Сегодня ты справился, и это хорошее начало. Возможно, для тебя еще не все потеряно. – Она отвернулась к остальным. – Римляне, я представляю вам сына Нептуна. Много месяцев он почивал, но теперь проснулся. Его судьба в ваших руках. Пир Фортуны близится, и Смерть необходимо вызвать, если вы надеетесь выстоять в битве. Не подведите меня! – Юнона замерцала и исчезла.

Перси взглянул на Хейзел и Фрэнка, ожидая хоть какого-нибудь объяснения, но они выглядели не менее растерянными, чем он. Тут Перси впервые заметил в руках у Фрэнка два маленьких глиняных пузырька, заткнутых пробками: в таких обычно хранят зелья. Перси не представлял, откуда они взялись, но Фрэнк тут же убрал их в карманы и красноречиво на него посмотрел: «Поговорим об этом позже».

Девушка в пурпурном плаще вышла вперед и окинула Перси настороженным взглядом. Его не покидало чувство, что она не прочь рассечь его кинжалом.

– Итак, – холодно произнесла она, – сын Нептуна, явившийся к нам с благословения Юноны.

– Слушай, – отозвался он, – мои воспоминания немного размыты. Вернее... вернее, у меня их *совсем* нет. Мы знакомы?

Секунду она колебалась:

– Я Рейна, претор Двенадцатого легиона. И... нет, мы не знакомы.

Последние слова были ложью – Перси видел это по ее глазам, но понимал, что спорить в присутствии ее солдат не стоит. Она бы этого точно не оценила.

– Хейзел, – сказала Рейна, – проводи его. Я хочу допросить его в *принципии*. А потом отправим его к Октавиану: необходимо проконсультироваться с авгурами, прежде чем мы решим, что с ним делать.

– В каком смысле вы будете решать, что со мной делать? – спросил Перси.

Пальцы Рейны стиснули рукоять кинжала. Она явно не привыкла объяснять свои приказы.

– Прежде чем принять кого-либо в лагерь, мы его допрашиваем и читаем предсказания. Юнона сказала, что твоя судьба в наших руках. Мы должны убедиться, кого именно привела к нам богиня: нового рекрута... – Рейна посмотрела на Перси таким взглядом, словно сомневалась в этом, и договорила с куда большим воодушевлением: —...или врага, которого следует казнить.

3. Перси

Перси не боялся привидений, и это оказалось кстати – половина населения лагеря была мертва.

Мерцающие фиолетовые воины, стоя рядом с арсеналом, полировали полупрозрачные мечи. Другие толпились перед бараками. Призрачный мальчик пробежал по улице, гонясь за призрачной собакой. А в стойлах светящийся красный здоровяк с головой волка охранял табун... единорогов?

Никто из местных не обращал на привидений внимания, но когда мимо проходила небольшая процессия во главе с Рейной и с Фрэнком и Хейзел по бокам, все духи бросали свои дела и смотрели Перси вслед. Кто-то выглядел рассерженным. Один маленький призрачный мальчик взвизгнул что-то вроде «Греггус!» – и стал невидимым.

Перси тоже многое отдал бы за невидимость. После стольких недель, проведенных в одиночестве, такое внимание его изрядно смущало. Он держался между Хейзел и Фрэнком и старался выглядеть как можно незаметнее.

– У меня галлюцинации, – не выдержал он, – или вокруг нас...

– ...привидения? – повернулась к нему Хейзел. У нее были поразительные глаза – как четырнадцатикратное золото. – Это лары. Божества – покровители домов.

– Покровители домов, – повторил Перси. – Вроде... меньше настоящих богов, но крупнее квартирных божеств?

– Они духи предков, – объяснил Фрэнк. Он снял шлем, явив мальчишеское лицо, совершенно не сочетающееся с армейской стрижкой и мускулистой фигурой. Он был похож на ребенка на стероидах, записавшегося в морские пехотинцы. – Лары вроде маскотов. Большинство их безобидны, но я никогда не видел их такими взбудораженными.

– Они смотрят на меня, – сказал Перси. – Тот призрачный мальчик назвал меня Греггусом. Меня зовут не Грег.

– *Граекус*, – уточнила Хейзел. – Поживешь у нас и со временем начнешь понимать латынь. У полубогов к ней склонность от рождения. «Граекус» означает «грек».

– Это плохо? – спросил Перси.

Фрэнк кашлянул:

– Необязательно. У тебя тот же тип телосложения, темные волосы и все такое. Может, они думают, что ты правда грек. Твоя семья из тех краев?

– Не знаю. Говорю же, я ничего не помню.

– Или... – Фрэнк осекся.

– Что? – спросил Перси.

– Скорее всего, ничего, – ответил Фрэнк. – Римляне и греки – давние соперники. Иногда римляне используют слово «граекус» как оскорбление в отношении чужаков, тех, кого они считают врагами. Но я бы не беспокоился на этот счет. – При этом тон у него был весьма обеспокоенным.

Они остановились в центре лагеря, где две широкие мощеные дороги пересекались буквой «Т».

Судя по уличному знаку, дорога, ведущая к главным воротам, называлась «VIA PRINCIPALIS», а проходящая через лагерь – «VIA PRAETORIA». Ниже были прибиты указатели, сделанные от руки: «БЕРКЛИ 5 МИЛЬ», «НОВЫЙ РИМ 1 МИЛЯ», «СТАРЫЙ РИМ 7.280 МИЛЬ», «АИД 2.310 МИЛЬ» (стрелка вниз), «РИНО 208 МИЛЬ» и «НЕМИНУЕМАЯ СМЕРТЬ: ТЫ УЖЕ ЗДЕСЬ!».

Для неминуемой смерти это место выглядело довольно чисто и аккуратно. Свежепобеленные здания выстроились ровной сеткой, как если бы планировкой лагеря занимался мате-

матик-невротик. У барачников были крытые террасы, где местные покачивались в гамаках или играли в карты и пили газировку. Спереди каждое общежитие украшал свой набор знамен с римскими цифрами и разными животными – орлом, медведем, волком, лошастью и еще кем-то, напоминающим хомяка.

Вдоль Виа Претория тянулись ряды торговых заведений, предлагающих еду, доспехи, оружие, кофе, гладиаторское обмундирование и тоги в аренду. На фасаде салона колесниц висела крупная реклама «ЦЕЗАРЬ XLS С ПРОТИВОЗАКЛИНИВАЮЩИМИ ТОРМОЗАМИ! НИ ДЕНАРИЕМ МЕНЬШЕ!».

На углу перекрестка стояло самое внушительное здание лагеря – двухэтажная махина из белого мрамора с портиком с колоннами, как у старых банков, – и с римскими стражниками перед ним. Над входом висело большое пурпурное знамя с вышитыми внутри лаврового венка золотыми буквами SPQR⁷.

– Ваша штаб-квартира? – полюбопытствовал Перси.

Ответный взгляд Рейны был холоден и враждебен:

– Это называется принципия. – Она повернулась к толпе любопытных, проследовавших за ними от реки. – Возвращайтесь к своим обязанностям. На вечерней перекличке я объявлю, что мы успеем узнать. Не забудьте о военных играх после ужина.

При мысли об ужине у Перси заурчало в желудке. От запаха барбекю из обеденного зала рот наполнился слюной. Из пекарни ниже по улице тоже пахло восхитительно, но он сомневался, что Рейна разрешит ему купить что-нибудь с собой.

Собравшиеся неохотно разошлись. Кто-то вполголоса обсуждал шансы Перси.

– Ему крышка, – заявил один парень.

– Учитывая, что его нашли *эти* двое... – подхватил другой.

– А что, – пробормотал третий, – пусть вступит в Пятую когарту. Греки и гики.

Несколько ребят засмеялись, но Рейна нахмурилась, и они быстро убежали.

– Хейзел, – сказала она, – ты пойдешь с нами. Доложишь мне о случившемся у ворот.

– Я тоже? – спросил Фрэнк. – Перси спас мне жизнь. Мы должны его принять...

Рейна наградила его таким суровым взглядом, что он попятился:

– Напоминаю тебе, Фрэнк Чжан, что ты на *пробатио*. От тебя на этой неделе было уже достаточно неприятностей.

Уши Фрэнка вспыхнули. Он прокрутил в пальцах маленькую табличку, свисающую со шнурка на шее. Теперь Перси ее рассмотрел: она была похожа на свинцовый именной жетон.

– Отправляйся в арсенал, – распорядилась Рейна, – займись инвентаризацией. Я позову тебя, если понадобится.

– Но... – начал Фрэнк, но тут же оборвал себя: – Да, Рейна. – И поспешил прочь.

Рейна указала Хейзел и Перси на штаб-квартиру:

– Что ж, Перси Джексон, давай попробуем освежить твою память.

Внутри принципия выглядела еще внушительнее.

На потолке поблескивала мозаика, изображающая Ромула и Рема под их приемной мамой-волчицей (Лупа рассказывала Перси эту историю миллион раз). Пол был из полированного мрамора, стены задрапированы бархатом, и Перси охватило такое чувство, словно он зашел в самую дорогую в мире военную палатку. Вдоль дальней стены выстроились знамена и деревянные шесты, увешанные бронзовыми медалями – Перси предположил, что это армейские знаки отличия, но место посередине пустовало, будто одно знамя забрали в стирку.

⁷ Исторически сокращение расшифровывается как Senatus Populusque Romanus – «Сенат и граждане Рима». Эти буквы изображались на штандартах римских легионов, а сейчас используются на современном гербе города Рима.

Сбоку в углу вниз уходила лестница, закрытая решетчатой дверью, как в темнице. Перси задумался, что могло там скрываться – монстры? Сокровища? Страдающие амнезией полубоги, не угодившие Рейне?

В центре зала стоял длинный деревянный стол, заваленный и заставленный свитками, записными книжками, планшетными компьютерами, кинжалами и с полной железных бобов большой чашей, кажущейся несколько не к месту. По бокам стол охраняли статуи борзых в натуральную величину – серебряная и золотая.

Рейна зашла за стол и опустилась на один из двух стульев с высокой спинкой. Перси был бы не прочь занять второй, но Хейзел осталась стоять, и что-то подсказывало ему, что то же самое ожидается и от него.

– Итак... – начал он.

Статуи собак оскалились и зарычали.

Перси замер. Вообще-то он любил собак, но эти буквально прожигали его своими рубиновыми глазами. И их клыки выглядели острыми как бритвы.

– Спокойно, ребята, – сказала Рейна борзым.

Те перестали рычать, но продолжали пожирать Перси глазами, словно он был коробкой с остатками ужина из ресторана.

– Они не нападут, – пообещала Рейна. – Если только ты не попытаешься что-нибудь украсть или если я им не прикажу. Это Аргентум и Аурум.

– Серебро и Золото, – вырвалось у Перси. Как и предупреждала Хейзел, значения латинских слов сами собой вспыхнули у него в голове. Он едва не спросил, какую борзую как зовут, но вовремя сообразил, что это глупый вопрос.

Рейна положила свой кинжал на стол. Перси не покидало смутное ощущение, что он ее уже где-то видел. Волосы, черные и блестящие как вулканический камень, были заплетены в косу. Она сидела в позе мечника – расслабленно, но начеку, готовая в любой момент ринуться в схватку. Из-за складки между бровями девушка выглядела старше своего возраста.

– Мы *точно* встречались, – сказал он. – Но я не помню когда. Пожалуйста, если ты что-то знаешь...

– Все по порядку, – перебила Рейна. – Я хочу послушать твою историю. Что ты помнишь? Как ты сюда попал? И не лги. Мои псы не любят лжецов.

Аргентум и Аурум в знак согласия зарычали.

И Перси рассказал, как проснулся у руин особняка посреди лесов Сономы. Описал время, проведенное с Лупой и ее стаей, как осваивал их язык жестов и мимику, как учился выживать и сражаться.

Лупа поведала ему о полубогах, монстрах и богах. Объяснила, что она была одним из духов-покровителей Древнего Рима и что полубоги вроде Перси даже в наше время должны соблюдать римские традиции – сражаться с чудовищами, служить богам, защищать смертных и хранить историю империи. Она неделями тренировала его, пока он не стал сильным, выносливым и безжалостным как волк, после чего, удовлетворенная его навыками, отправила его на юг, сказав, что если он переживет путешествие, то сможет найти новый дом и вернуть себе память.

Ничто из этого, похоже, Рейну не удивило. Более того, все услышанное она явно считала в порядке вещей – за исключением одного момента.

– Ты ничего не помнишь? – спросила она. – До *сих* пор?

– Отдельные расплывчатые моменты и фрагменты. – Перси покосился на борзых. Ему не хотелось упоминать Аннабет. Это слишком личное, и он так и не выяснил, где ее найти. Он был уверен, что встретит ее в лагере, но интуиция подсказывала, что он оказался не в том месте.

Еще ему не хотелось делиться своим единственным четким воспоминанием: лицо Аннабет, ее светлые волосы и серые глаза, как она смеется, обвивает его руками и целует всякий раз, когда он совершает какую-нибудь глупость.

«Часто же она меня целовала», – подумал Перси.

Он боялся, что если расскажет хоть кому-то об этом воспоминании, то оно растворится как дым. Он не хотел рисковать.

Рейна раскрутила кинжал:

– Почти все из описанного тобой для полубогов обычно. Достигая определенного возраста, мы так или иначе находим дорогу к Волчьему дому. Нас проверяют и тренируют. Если Лупа считает нас достойными, она отправляет нас на юг – вступить в легион. Но я никогда не слышала, чтобы кто-то терял память. Как ты нашел Лагерь Юпитера?

Перси пересказал ей события последних трех дней – неумирающие горгоны, старуха, превратившаяся в богиню, и наконец встреча с Хейзел и Фрэнком перед туннелем в холме.

Хейзел подхватила его историю, расхвалив Перси за смелость и героизм, отчего ему стало неуютно. Он всего лишь нес на руках неряшливую хиппи.

Рейна внимательно посмотрела на него:

– Ты староват для рекрута. Сколько тебе, шестнадцать?

– Думаю, да, – пожал плечами Перси.

– Столько лет сам по себе, без тренировок и помощи? Тебя давно должны были убить. Тем более сына Нептуна. У тебя сильная аура, которая наверняка притягивает всевозможных монстров.

– Да, – согласился Перси, – мне говорили, что от меня пахнет.

Рейна почти улыбнулась, и в душе у Перси затеплилась надежда. Может, в ней все-таки есть что-то человеческое.

– Ты должен был где-то жить до Волчьего дома, – сказала она.

Перси пожал плечами. Юнона упомянула, что он «почивал», и у него действительно было смутное ощущение, что он спал – возможно, даже очень долго. Но в этом не было никакого смысла.

Рейна вздохнула:

– Ну, псы тебя не съели – полагаю, ты говоришь правду.

– Здорово, – кивнул Перси. – Можно мне в следующий раз воспользоваться полиграфом?

Рейна встала и под чутким взором своих металлических псов начала взад-вперед расхаживать перед знаменами взад-вперед.

– Даже если я поверю, что ты не враг, – заговорила она, – это не отменяет того, что ты не обычный рекрут. Царица Олимпа не посещает лагерь просто для того, чтобы представить нового полубога. В последний раз, когда один из главных богов наносил нам подобный визит... – Она тряхнула головой. – Мне приходилось лишь слышать об этом легенды. Еще и сын Нептуна... это нехороший знак. Особенно сейчас.

– Что не так с Нептуном? – спросил Перси. – И в каком смысле «особенно сейчас»?

Хейзел бросила на него предупреждающий взгляд.

– Ты сражался с сестрами Медузы, которых никто не видел тысячи лет, – продолжила Рейна. – Ты взбудоражил наших ларов, которые зовут тебя граекусом. И на тебе странные символы – эта футболка, бусины на шее. Что они означают?

Перси посмотрел на свою изодранную оранжевую футболку. Когда-то на ней, возможно, была надпись, но буквы так выцвели, что прочесть их стало невозможно. Эту футболку стоило выкинуть еще недели назад, она давно превратилась в лохмотья, но у него не поднималась рука. Вместо этого он всякий раз как мог полоскал ее в реках и фонтанах для питья и опять надевал.

Что касается четырех глиняных бусин, то каждую украшал свой символ. На первой – трезубец. На второй – маленькое Золотое руно. На третьей – лабиринт. А на последней было изображено здание – может, Эмпайр-стейт-билдинг? – и выгравированы незнакомые Перси имена. Он знал, что бусины важны, вроде фотографий в семейном альбоме, но не мог вспомнить, что они означают.

– Я не знаю, – признался он.

– А твой меч? – спросила Рейна.

Перси проверил карман. Как и всегда, ручка вернулась в него сама собой. Он достал ее, но вдруг вспомнил, что не показывал меч Рейне. Хейзел и Фрэнк его тоже не видели. Тогда как Рейна узнала о его существовании?

Но идти на попятную было уже поздно... Он снял колпачок, и Анаклузмос вырос до своих истинных размеров. Хейзел ахнула. Борзые встревоженно залаяли.

– Что это? – спросила Хейзел. – Никогда не видела таких мечей.

– Я видела, – мрачно сказала Рейна. – Это очень старый... греческий дизайн. Когда-то давно в арсенале хранилась парочка таких, но потом... – Она осеклась. – Он отлит из так называемой небесной бронзы. Она смертельна для чудовищ, как имперское золото, только встречается еще реже.

– Имперское золото? – переспросил Перси.

Рейна обнажила свой кинжал. Лезвие действительно оказалось золотым.

– Этот металл освятили в древние времена в римском Пантеоне. Императоры держали его существование в строжайшей тайне, потому что с его помощью их чемпионы убивали монстров, угрожающих империи. Раньше у нас было больше такого оружия, но сейчас... скажем так, нам его едва хватает. Я пользуюсь этим кинжалом. Хейзел сражается *спатой*, кавалерийским мечом. Многие легионеры вооружены более короткими *гладиусами*. Но твое оружие вообще не римское. Что служит еще одним подтверждением, что ты не обычный полубог. И твоя рука...

– А что с ней? – спросил Перси.

Рейна продемонстрировала ему свое предплечье. Перси раньше этого не замечал, но на внутренней стороне у нее была татуировка: буквы SPQR, скрещенные меч и факел и под ними четыре параллельные линии, напоминающие зарубки.

Перси посмотрел на Хейзел.

– У нас у всех она есть, – подтвердила она и подняла руку. – У всех полноправных членов легиона.

На татуировке Хейзел тоже были буквы SPQR, но зарубка только одна, и символ выглядел иначе: черный глиф⁸, напоминающий человека с поднятыми руками:

Перси изучил свои руки: пара царапин, кое-где грязь, крошка от «хрустящей сосиски с сыром» – но никаких татуировок.

– Это значит, что ты никогда не состоял в легионе, – продолжила Рейна. – Эти метки невозможно свести. Я думала, возможно... – Она помотала головой, будто хотела вытряхнуть из нее какую-то идею.

Хейзел наклонилась вперед:

– Если он все это время выживал в одиночку – вдруг он видел Джейсона? – Она повернулась к Перси. – Ты когда-нибудь встречал других полубогов? Парня в фиолетовой футболке с меткой на руке...

⁸ Глиф – здесь: знак, символ.

– Хейзел, – напряженным тоном перебила ее Рейна. – Перси и так хватает поводов для беспокойства.

Перси коснулся кончика меча, и Анаклузмос превратился назад в ручку.

– Я никогда не встречал таких ребят, как вы. Кто он – этот Джейсон?

Рейна бросила на Хейзел раздраженный взгляд:

– Он... *был* моим коллегой. – Она указала на пустующий стул. – В легионе обычно два избранных претора. Джейсон Грейс, сын Юпитера, был нашим вторым претором, пока в октябре прошлого года не исчез.

Перси мысленно прикинул. Живя с волками, он особо не следил за календарем, но Юнона упомянула, что сейчас июнь.

– Хотите сказать, его нет уже восемь месяцев и никто не занял его место?

– Он может быть жив, – сказала Хейзел. – Мы не теряем надежды.

Рейна поморщилась. Перси откуда-то знал, что этот Джейсон был для нее не просто коллегой.

– Выборы происходят только двумя путями, – объяснила она. – Либо легион поднимает кого-то на щите после грандиозного успеха в битве – а за это время у нас не происходило серьезных сражений, – либо желающие выдвигают свою кандидатуру вечером двадцать четвертого июня, во время Пира Фортуны. Который пройдет через пять дней.

Перси нахмурился:

– Пир фон Туны?

– Фортуны, – поправила его Хейзел. – Это богиня удачи. То, как пройдет день пиршества в ее честь, определит судьбу лагеря на ближайший год. Она может одарить нас удачей... или послать нам крупные *неудачи*.

По спине Перси пробежал холодок:

– Пир Фортуны... я уже слышал о нем от горгон. И от Юноны тоже. Они сказали, что в этот день лагерь подвергнется атаке, что-то насчет злой богини по имени Гея, какой-то армии и необходимости вызволить Смерть. И вы говорите мне, что все это произойдет уже на этой неделе?!

Пальцы Рейны сжали рукоять кинжала.

– Ни слова об этом вне стен этой комнаты! – приказала она. – Я не позволю сеять в лагере еще большую панику!

– Так это правда, – не смутился Перси. – Вам хоть известно, что происходит? Мы можем это остановить?

Перси едва знал этих людей. Он даже не был уверен, что ему нравится Рейна. Но он хотел помочь. Они полубоги, как и он. У них общие враги. И потом Перси не забыл слова Юноны: опасность угрожает не только этому лагерю, но и его прошлой жизни, богам и всему миру. Что бы ни надвигалось, речь идет о чем-то очень серьезном.

– Пока разговоров достаточно, – решила Рейна. – Хейзел, отведи его на Храмовый холм. Найди Октавиана. По дороге ответишь на вопросы Перси. Расскажи ему о легионе.

– Да, Рейна.

У Перси едва не плавильсь мозги – так о многом он хотел ее спросить. Но Рейна ясно дала понять, что аудиенция закончена. Она убрала кинжал в ножны. Металлические псы встали и, зарывчав, надвинулись на Перси.

– Удачи с авгуром, Перси Джексон, – сказала Рейна. – Если Октавиан оставит тебя в живых – возможно, мы сможем обменяться впечатлениями... о твоём прошлом.

4. Перси

По дороге из лагеря Хейзел купила ему у двухголового продавца кофе Бомбило эспрессо и вишневый кекс.

Перси умял кекс за секунду. Кофе тоже оказался на уровне. Осталось только принять душ, переодеться во что-то чистое, поспать – и он будет в шоколаде. Может, даже в золотом имперском шоколаде.

На его глазах группа ребят в купальниках и плавках и с полотенцами в руках вошла в здание, из крыши которого торчал целый ряд дымовых труб. Изнутри доносились смех и плеск как из крытого бассейна – Перси их обожал.

– Термы, – пояснила Хейзел. – Надеюсь, ты успеешь искупаться перед ужином. Поверь мне: если ты никогда не бывал в римских термах – считай, ты вообще не жил.

Перси вздохнул в предвкушении.

Чем ближе к главным воротам, тем бараки становились крупнее и ухоженнее. Даже привидения выглядели красивее: их доспехи были богаче, а ауры ярче. Перси попытался разобраться во всех флагах и символах, украшающих фасады построек.

– Вас делят по домикам? – спросил он.

– Типа того, – Хейзел пригнулась, увернувшись от пролетевшего над их головами гигантского орла с ребенком на спине. – У нас есть пять когорт, приблизительно по сорок ребят в каждой, и у каждой когорты по десять барачков. Что-то вроде общежития.

Перси никогда особо не дружил с математикой, но мысленно умножил:

– Хочешь сказать, сейчас в лагере две сотни человек?

– Около того.

– И они *все* дети богов? Я смотрю, боги времени зря не теряют.

Хейзел засмеялась:

– Не все они дети *главных* богов. В римском Пантеоне сотни божеств. Плюс много наследников из вторых и третьих поколений, родители которых были полубогами. Или бабушки и дедушки.

Перси моргнул:

– Дети полубогов?

– А что? Почему тебя это удивляет?

Перси не знал, как на это ответить. Последние недели он только и думал, как пережить очередной день. Сама идея, что он может прожить достаточно долго, чтобы повзрослеть и обзавестись детьми, казалась неисполнимой мечтой.

– Они тоже обладают силами полубогов?

– Кто-то – да. Кто-то – нет. Но их можно натренировать. Ты в курсе, что все знаменитые римские генералы и императоры объявляли себя потомками богов? В большинстве случаев они говорили правду. Октавиан, лагерный авгур, к которому мы сейчас идем, один из таких ребят, наследник Аполлона. Считается, что он обладает даром пророчества.

– Считается?

Хейзел скорчила гримасу:

– Скоро сам поймешь.

Перси приуныл от мысли, что его судьба находится в руках этого Октавиана.

– Так, эти части, когорты... неважно... вас делят согласно божественному родителю? – спросил он.

Хейзел воззрилась на него:

– Что за чушь! Нет, командиры решают, куда распределить рекрутов. Если бы нас делили по богам, между когортами не было бы равенства. И я была бы одна.

Перси кольнула грусть, словно он по себе знал, о чем она говорит:

– Почему? Кто твой родитель?

Прежде чем она успела ответить, сзади кто-то закричал:

– Стойте!

К ним бежало привидение – старик с округлым животом и в такой длинной тоге, что он постоянно в ней путался. Догнав их, он тяжело задышал. Окружающая его фиолетовая аура мерцала, подрагивая.

– Это он? – пропыхтел призрак. – Новый рекрут в Пятую, возможно?

– Вителлий, – сказала Хейзел, – мы немного торопимся.

Нахмурившись, призрак обошел вокруг Перси, рассматривая его как подержанную машину.

– Не знаю, не знаю, – проворчал он. – Нам в когорту нужны только самые лучшие. У него все зубы на месте? Он умеет сражаться? Стойла чистит?

– Да, да и нет, – ответил Перси. – Ты кто?

– Перси, это Вителлий. – На лице Хейзел было написано «просто подыграй ему». – Он один из наших ларов, всегда проявляет большой интерес к новым рекрутам.

Привидения на соседнем крыльце захихикали, наблюдая за прохаживающимся взад-вперед Вителлием, путающимся в тоге и подтягивающим ремень на поясе.

– Да, – сказал он, – когда-то во времена Цезаря – того самого *Юлия Цезаря*⁹, к твоему сведению, – Пятая когорта была что-то с чем-то! Двенадцатый легион Фульмината, гордость всего Рима! А что сейчас? Позор – вот к чему мы пришли. Взгляни, к примеру, на Хейзел с ее спатой. Для римского легионера это не оружие, а посмешище – ими сражалась кавалерия! А ты, мальчик? От тебя несет греческой канавой. Ты что, совсем не моешься?

– Был немного занят, сражаясь с горгонами, – пожал плечами Перси.

– Вителлий, – вмешалась Хейзел, – прежде чем Перси сможет вступить в когорту, нам нужно получить для него предсказание. Почему бы тебе не проверить, как там Фрэнк? Он проводит инвентаризацию в арсенале. Ты же знаешь, как он ценит твою помощь.

Толстые фиолетовые брови привидения взметнулись по лбу:

– Марс Всемогущий! Они разрешили пробатио проверять доспехи?! Нам конец! – И он поспешил вниз по улице, останавливаясь через каждые несколько шагов, чтобы поправить меч или подобрать полы тоги.

– Ла-а-адненько, – протянул Перси.

– Извини, – сказала Хейзел. – Он эксцентричен, но это один из старейших ларов. Был с нами с самого образования легиона.

– Как он его назвал?.. Фульмината? – вспомнил Перси.

– «Молнией вооруженный», – перевела Хейзел. – Это наш девиз. Двенадцатый легион существовал в течение всей истории Римской империи. Когда Рим пал, многие легионы исчезли. Мы ушли в подполье, следовали тайным приказаниям самого Юпитера: оставаться в живых, рекрутировать полубогов и их детей, хранить Рим. Именно этим с тех пор мы и занимаемся, перебираясь с места на место – туда, где римское влияние наиболее сильно. Последние несколько столетий мы были в Америке.

Все это звучало странно, но Перси поверил с ходу. Более того, он будто и так уже об этом знал.

⁹ Гай Юлий Цезарь (100—44 гг. до н. э.) – древнеримский государственный деятель, полководец, писатель. Присоединил к Римской республике огромную территорию от Атлантического океана до Рейна в результате Галльской войны (о которой оставил знаменитые «Записки»). Вернувшись в Рим, разгромил политических противников и реформировал государство. Цезарь стал пожизненным диктатором, титул полководца-победителя «император» сделался частью его имени, однако императором в привычном нам смысле он не был. Убит в результате заговора сенаторов во главе со своим воспитанником, Марком Юнием Брутом. К имени Цезаря восходят титулы «царь» и «кайзер» и название седьмого месяца – июль – во многих языках.

– И ты состоишь в Пятой когорте, – предположил он, – которая, видимо, не пользуется особой популярностью?

Хейзел нахмурилась:

– Да. Я вступила в сентябре прошлого года.

– То есть... за несколько недель до исчезновения того парня, Джейсона.

Перси не сомневался, что попал в большое место. Хейзел опустила глаза. Она так долго молчала, что успела бы пересчитать все булыжники мостовой.

– Идем, – наконец сказала она. – Я покажу тебе мое любимое место.

Они остановились за главными воротами. Крепость была построена на самой высокой точке, поэтому отсюда было видно практически всю долину.

Дорога спускалась к реке и там разветвлялась. Одна вела на юг, через мост, затем вверх по склону холма к храмам. Другая тянулась на север, в город, представляющий собой миниатюрную версию Древнего Рима. В отличие от военного лагеря, город был хаотичен и красочен, в его планировке не наблюдалось никакой системы. Даже издали Перси мог разглядеть оживленную площадь, покупателей, бродящих между прилавками рынка под открытым небом, родителей, играющих с детьми в парках.

– У вас тут живут целыми семьями? – спросил он.

– В городе – да, – кивнула Хейзел. – Когда тебя принимают в легион, ты обязан отслужить десять лет. Затем можешь заниматься чем угодно. Большинство полубогов уходят в мир смертных. Но некоторые... ну, там все-таки довольно опасно. А эта долина – наше убежище. Можно пойти в колледж в городе, завести семью и детей, уйти на пенсию по старости. Для таких, как мы, это единственное на всей планете безопасное место. Так что да, многие ветераны живут там под защитой легиона.

Взрослые полубоги. Полубоги, живущие без страха, обзаводящиеся семьями. Перси не мог такого представить – слишком уж хорошо, чтобы быть правдой.

– А если на долину нападут?

Хейзел поджала губы:

– У нас есть защита. Магические границы. Но наши силы уже не те, что раньше. В последнее время атаки монстров участились. Ты сам сказал, что горгоны не умирали... мы тоже это заметили – с другими чудовищами.

– Вы знаете причину?

Хейзел отвела глаза. Перси ясно видел, что она о чем-то умалчивает – потому что ей запретили об этом говорить.

– Это... все сложно. Мой брат говорит, что Смерть...

Ее прервал крик сзади:

– Дорогу!

Хейзел оттащила Перси на обочину, давая пройти самому настоящему взрослому толстокожему слону в черных кевларовых доспехах и с полубогом на спине. Сбоку на доспехах виднелась надпись «СЛОН», что, на взгляд Перси, было несколько излишним.

Слон прогрохотал мимо них и повернул на север, к большому полю, где кипело строительство каких-то укреплений.

Перси сплюнул попавшую в рот пыль:

– Какого...

– Слон, – пояснила Хейзел.

– Да, я прочел надпись. Зачем вам слон в пуленепробиваемом жилете?

– Сегодня вечером военные игры. Его зовут Ганнибал, и он расстраивается, если мы не берем его с собой.

– Ну, тогда понятно.

Хейзел засмеялась. Даже не верилось, что еще мгновение назад она была такой мрачной. Перси задумался, что она собиралась сказать. У нее есть брат. Но при этом она утверждает, что если бы места в лагере распределяли согласно божественному родителю, то она осталась бы в одиночестве.

Перси никак не мог в ней разобраться. Хейзел казалась дружелюбной и искренней, взрослой, хотя ей никак не может быть больше тринадцати. Но в то же время в ней было что-то очень грустное – словно ее грызет чувство вины.

Хейзел указала на юг через реку. Над Храмовым холмом висели темные тучи. Красные вспышки молний отбрасывали на монументы кровавые отсветы.

– Октавиан трудится в поте лица. Нам лучше поторопиться.

По дороге к холму им повстречалась компания парней с козлиными ногами, без дела болтающихся на обочине.

– Хейзел! – воскликнул один из них и с широченной улыбкой поспешил к ним. На нем была полинявшая гавайская рубашка и ничего похожего на штаны, не считая густой коричневой козлиной шерсти. На голове покачивалось внушительных размеров афро¹⁰. Глаза скрывались за маленькими круглыми очками в радужной оправе. В руках он держал плакат «СОГЛАСЕН РАБОТАТЬ СЧЕТЬ ПОБОЛТАТЬ ОСТАВИТЬ В ПОКОЕ ЗА ДЕНАРИЙ».

– Привет, Дон, – поздоровалась Хейзел. – Прости, у нас нет времени...

– О, все норм! Не вопрос! – Дон зашагал рядом с ними. – Эй, да он новенький! – Он улыбнулся Перси. – У тебя не будет трех денариев на автобус? А то я забыл дома кошелек, а мне надо на работу, и...

– Дон, – укоризненно произнесла Хейзел, – у фавнов не бывает кошельков. И работы. И домов. И у нас нет автобусов.

– Точно, – жизнерадостно согласился он. – Так что, не найдется денариев?

– Тебя зовут Дон? Надеюсь, ты не из Испании? – спросил Перси.

– Нет, а что?

– Ничего, – Перси постарался сохранить на лице нейтральное выражение. – Почему фавны не работают? Разве они не должны помогать лагерю?

Дон заблеял:

– Фавны! Помогать лагерю! Уржаться!

– Фавны... э-эм... свободны духом, – пояснила Хейзел. – Они живут здесь, потому что... ну, тут безопасно жить и попрошайничать. Мы их терпим, но...

– О, Хейзел такая классная, – перебил Дон. – Такая милая! Все остальные здесь типа «пошел прочь, Дон», но она типа «пожалуйста, уходи, Дон». Я ее люблю!

Фавн выглядел безобидно, но все равно слегка нервировал Перси. Он не мог отделаться от мысли, что от фавнов должно быть куда больше толку, чем от бездомных попрошаек.

Дон взглянул на землю перед ними – и ахнул:

– Джекпот!

Он нагнулся, но Хейзел вскрикнула:

– Дон, нет! – Она толкнула фавна в сторону и сама подхватила нечто маленькое и блестящее. Перси видел находку Хейзел всего мгновение, прежде чем она сунула ее в карман, но готов был поклясться, что это бриллиант.

– Да ладно тебе, Хейзел, – заныл Дон. – Я мог купить на него годовой запас донатов!

– Дон, пожалуйста, – попросила Хейзел. – Уходи. – Она выглядела потрясенной, словно только что спасла Дона от столкновения с бронированным слоном.

Фавн вздохнул:

¹⁰ Пышная объемная прическа, при которой волосы образуют шар, напоминая облако или мяч. Получила известность в 1970-х, когда была модна среди афроамериканцев.

– Эх, будто я могу на тебя сердиться. Но клянусь, ты точно приносишь удачу. Где бы ты ни прошла...

– До свидания, Дон, – быстро попрощалась Хейзел. – Идем, Перси. – Она побежала, и Перси пришлось ее нагонять:

– Что все это значит? Откуда на дороге взяться бриллианту?..

– Пожалуйста, не спрашивай.

Остаток пути до Храмового холма они преодолели в неловком молчании. Мощеная тропа змейкой вилась между безумным скоплением крошечных алтарей и огромных склепов с куполами. Статуи богов, казалось, провожали Перси глазами.

Хейзел указала на храм Беллоны:

– Богиня войны. Мама Рейны.

Затем они прошли мимо большой красной крипты, украшенной человеческими черепами на железных пиках.

– Пожалуйста, только не говори, что нам сюда! – взмолился Перси.

Хейзел помотала головой:

– Это храм Марса Ультора.

– Марс... Арес, бог войны?

– Это его греческое имя, – уточнила Хейзел. – Но да, тот же парень. «Ультор» означает «мститель». Он второй по значимости бог Рима.

Перси этой детали совсем не обрадовался. Почему-то от одного взгляда на уродливое красное здание на него накатывала злость. Он указал на вершину холма, где тучи клубились над самым большим храмом, круглым павильоном с куполом, покоящимся на выстроенных кольцом белых колоннах:

– Дай угадаю: вон тот посвящен Зевсу... э-эм... в смысле Юпитеру? Это туда мы направляемся?

– Да, – с напряженной ноткой в голосе подтвердила Хейзел. – Октавиан читает там предсказания. Это храм Юпитера Оптимуса Максимуса.

Перси пришлось покопаться в голове в поисках значений латинских слов.

– Юпитер... «лучший и величайший»?

– Верно.

– А какой титул у Нептуна? – поинтересовался он. – Крутейший и обалденный?

– Ну... не совсем.

Хейзел махнула в сторону синей постройки не больше сарайчика. Над дверью был прибит заросший паутиной трезубец.

Перси заглянул внутрь. На маленьком алтаре стояла чаша с тремя высохшими и заплесневевшими яблоками.

У него оборвалось сердце:

– Смотрю, это место пользуется популярностью.

– Извини, Перси, – сказала Хейзел. – Понимаешь... Римляне всегда боялись моря. Они плавали на кораблях только в случае *крайней* необходимости. Даже в наше время появление ребенка Нептуна считается дурным предзнаменованием. Когда такой рекрут в последний раз вступил в легион... ну, это было в тысяча девятьсот шестом году, и Лагерь Юпитера находился по другую сторону залива Сан-Франциско, – тогда же случилось и то разрушительное землетрясение...

– Хочешь сказать, в этом виноват ребенок Нептуна?

– Так говорят. – Хейзел виновато посмотрела на него. – В общем... Римляне боятся Нептуна и не питают к нему особой любви.

Перси уставился на паутину на трезубце.

«Здорово», – подумал он. Даже если он останется в лагере, на расположение со стороны новых товарищей можно не рассчитывать. Максимум он может их напугать. Но если хорошо себя проявит – кто знает... его могут наградить заплесневелыми яблоками.

И все же... стоя перед алтарем Нептуна, Перси почувствовал что-то вроде ряби в венах. Он выудил из рюкзака последнее, что у него осталось съестного после путешествия – засохший бублик. Мелочь, но он положил его на алтарь.

– Привет... пап, – было странно разговаривать с чашей фруктов. – Если ты меня слышишь, помоги мне, ладно? Верни мои воспоминания. Скажи... скажи, что мне делать. – Голос у него дрогнул. Как бы он ни старался сдерживать эмоции, они его захлестнули: он был вымотан, напуган и так долго чувствовал себя потерянным, что отдал бы что угодно за хоть какое-то наставление. Ему хотелось быть уверенным хоть в чем-то и не хвататься всякий раз за утерянные воспоминания.

Хейзел положила руку ему на плечо:

– Все будет хорошо. Ты здесь. Ты один из нас.

Ему стало неловко: докатился – его утешает восьмиклассница, с которой они знакомы всего ничего! Но он был рад ее компании.

В небе прогремел гром. Красная молния осветила холм.

– Октавиан почти закончил, – сказала Хейзел. – Пошли.

В сравнении с сарайчиком Нептуна храм Юпитера определенно был лучшим и величайшим.

Мраморный пол покрывали красочные мозаики и надписи на латыни. На высоте шестидесяти футов от земли блестел золотой купол. Отсутствие стен предполагало, что храм открыт всем ветрам.

В центре стоял мраморный подиум, на котором молодой парень в тоге проводил какой-то ритуал перед огромной золотой статуей самой главной шишки: бога неба Юпитера в шелковой фиолетовой тоге размера XXXL, держащего в руке жезл-молнию.

– Он не так выглядит, – пробормотал Перси.

– Что? – не поняла Хейзел.

– Жезл.

– О чем ты говоришь?

– Я... – Перси нахмурился. На секунду ему показалось, что к нему вернулось воспоминание, но сейчас сказать наверняка он уже не мог. – Нет, кажется, ничего.

Парень перед алтарем поднял руки – еще больше молний рассекли небо, и весь храм задрожал. Он опустил руки – и грохот стих, тучи посерели, затем побелели и рассеялись.

Выглядело все это весьма впечатляюще, учитывая, что сам парень не представлял собой ничего особенного. Высокий и худощавый, с соломенного цвета волосами, в слишком больших джинсах, мешковатой футболке и спадающей на пол тоге, он напоминал обернутое простыней пугало.

– Что он делает? – шепотом спросил Перси.

Парень повернулся к ним. Его улыбка была кривоватой, а взгляд слегка безумен, как если бы он несколько часов подряд неотрывно играл в видеоигру. В одной руке он держал нож, в другой – что-то вроде тушки животного. Что лишь подчеркивало общую атмосферу безумия.

– Перси, – сказала Хейзел, – это Октавиан.

– Граекус! – воскликнул Октавиан. – Как интересно.

– Эм... привет, – сказал Перси. – Ты убиваешь мелких животных?

Октавиан посмотрел на меховую штуку у себя в руке и засмеялся:

– Нет-нет. Когда-то давно – да. Мы читали волю богов по внутренностям животных – куриц, коз и всего такого. Сейчас мы используем это. – И он бросил Перси загадочный объект,

оказавшийся выпотрошенным плюшевым медведем. В тот же миг Перси заметил у ног статуи Юпитера целую гору искалеченных мягких игрушек.

– Серьезно? – спросил он.

Октавиан спустился с возвышения. Ему, наверное, было лет восемнадцать, но из-за худобы и болезненной бледности парень казался намного моложе. Поначалу он выглядел безобидным, но по мере его приближения уверенность в этом таяла. Глаза авгура блестели жестоким любопытством – казалось, он запросто мог бы выпотрошить Перси как того же плюшевого мишку, если бы это принесло ему желанное знание.

Октавиан сощурился:

– Выглядишь встревоженным.

– Ты кое-кого мне напоминаешь, – сказал Перси. – Но не помню кого.

– Возможно, человека, в честь которого меня назвали – Августа Цезаря¹¹. Все говорят, что я очень на него похож.

Перси знал, что дело не в этом, но никак не мог ухватить за хвост ускользающее воспоминание.

– Почему ты назвал меня греком?

– Так явило мне предсказание, – Октавиан махнул ножом на кучу игрушечной набивки на алтаре. – Оно гласит «Грек пришел». Или как вариант – «Гусь съел шелк». Но я склоняюсь к первому. Хочешь вступить в легион?

Хейзел ответила за него. Она рассказала авгуру обо всем, что случилось после их встречи перед туннелем, – о горгонах, схватке на реке, появлении Юноны, разговоре с Рейной.

Услышав о богине, Октавиан удивился.

– Юнона, – задумчиво повторил он. – Мы зовем ее Юнона Монета – Юнона Предупреждающая. Она является в периоды кризиса, предупреждает Рим о великих угрозах. – Он покоился на Перси, словно хотел добавить «например, о таинственных греках».

– Слышал, на этой неделе состоится Пир Фортуны, – заметил Перси. – Горгоны говорили о нападении в этот день. Ты ничего такого не увидел в набивке?

– К сожалению, нет, – Октавиан вздохнул. – Волю богов сложно разгадать. А в последнее время мой взор затуманился.

– А у вас нет... не знаю... оракула или еще чего-нибудь? – спросил Перси.

– Оракула! – Октавиан улыбнулся. – Смешно. Нет: боюсь, все оракулы закончились. Но вот если бы мы отправились в поиск за книгами Сивиллы, на чем я уже давно настаиваю...

– Сиви... кого? – не понял Перси.

– Книги пророчеств, – объяснила Хейзел. – Октавиан ими *одержим*. Римляне в трудные времена сверялись с ними. Большинство считают, что они были сожжены, когда Рим пал.

– *Некоторые* так считают, – поправил ее авгур. – К сожалению, наше нынешнее руководство не желает организовать их поиск...

– Потому что Рейна не дура, – вклинилась Хейзел.

– ...и нам приходится довольствоваться несколькими уцелевшими фрагментами, – закончил Октавиан. – Загадочными пророчествами вроде этих. – Он кивнул на надписи на мраморном полу. Перси скользнул взглядом по строчкам, особо не надеясь их понять. И едва не задохнулся.

– Это пророчество, – указал он и зачитал вслух перевод: – «На зов ответят семь полукровок. В огне и буре мир гибнет снова»...

¹¹ Вероятно, Октавиан говорит о Гае Юлии Цезаре Октавиане Августе (63 г. до н. э. – 14 г. н. э.) – внучатом племяннике и одним из наследников Гая Юлия Цезаря, ставшем первым императором Рима. Отомстив после смерти Цезаря его убийцам, Октавиан Август начал гражданскую войну со своими бывшими союзниками – и вышел из нее победителем. Отличался хладнокровием, политическим мышлением и коварством. По свидетельствам современников, обладал слабым здоровьем и был очень суеверен. В честь Октавиана последний летний месяц был назван августом.

– Да-да. – Октавиан, не глядя, договорил: – «Клятву сдержи на краю могилы. К Вратам смерти идут вражьи силы».

– Я... я его знаю. – Перси почудилось, что храм затрясся от очередной молнии, но затем он понял, что дрожит сам. – Это *важно*.

Октавиан изогнул бровь:

– Разумеется, это важно. Мы называем его Пророчеством Семи, но ему несколько тысяч лет. Мы не знаем, что оно означает. Всякий раз, когда кто-то пытался его интерпретировать... ну, Хейзел тебе расскажет. Заканчивалось все плохо.

Хейзел сердито посмотрела на него:

– Просто прочти уже предсказание для Перси – можно ему вступить в легион или нет?

Перси практически видел, как крутятся винтики в голове у Октавиана, прикидывающего, насколько Перси будет полезен. Авгур протянул руку к его рюкзаку:

– Симпатичный экземпляр. Можно?

Перси не понял, о чем он, но Октавиан уже сам выдернул выглядывающую из рюкзака подушку в виде панды из дисконт-центра. Это была просто глупая мягкая игрушка, но она пробыла с Перси все его долгое путешествие, и он успел в каком-то смысле проникнуться к ней симпатией. Октавиан отвернулся к алтарю и занес нож.

– Эй! – возмутился Перси.

Авгур рассек живот панды и вытряхнул набивку на алтарь, после чего отбросил плюшевый труп в сторону, пробормотал что-то над ватой и с улыбкой повернулся к ним:

– Хорошие новости! Перси может вступить в легион. Мы распределим его в когарту на вечерней переключке. Скажи Рейне, что я дал «добро».

Плечи Хейзел расслабились:

– О-о-отлично. Идем, Перси.

– Хейзел, и вот еще что! – остановил ее Октавиан. – Я рад приветствовать Перси в легионе. Но когда подойдут выборы претора, я надеюсь, ты не забудешь...

– Джейсон *не* умер! – перебила Хейзел. – Ты авгур. Ты должен его искать!

– О, и я ищу! – Октавиан указал на гору выпотрошенных игрушек. – Я обращаюсь к богам каждый день – но за все восемь месяцев не получил ни единого знака! Конечно же, я не прекращаю поиски. Но если Джейсон не вернется к Пиру Фортуны, нам придется что-то делать. Нельзя оставлять этот вакуум власти и дальше. Я надеюсь на твою поддержку моей кандидатуры в преторы. Это будет очень много для меня значить.

Хейзел сжала кулаки:

– Мою. Поддержку. Твоей кандидатуры?

Октавиан снял тогу и положил ее и нож на алтарь. Перси заметил на его руке семь полосок – семь лет в лагере, по всей видимости. На его метке была изображена арфа, символ Аполлона.

– Я ведь могу помочь тебе, – сказал Октавиан Хейзел. – Правда. Будет обидно, если все эти ужасные слухи о тебе не улягутся... или, боги сохраните, если они окажутся правдой.

Перси сунул руку в карман и сжал ручку. Этот парень шантажирует Хейзел – это очевидно. Перси был готов по первому же ее знаку высвободить Анаклузмос и проверить, как Октавиану понравится оказаться на кончике меча.

Хейзел сделала глубокий вдох. Костяшки ее пальцев побелели.

– Я подумаю над этим.

– Замечательно, – кивнул Октавиан. – И кстати говоря, твой брат здесь.

Хейзел напряглась:

– Мой брат? Почему?

Авгур пожал плечами:

– Почему твой брат *вообще* что-то когда-либо делает? Он ждет тебя у храма вашего отца. Только... э-эм... не приглашай его надолго. Он заставляет других нервничать. А теперь прошу

меня извинить: мне нужно продолжить поиски нашего бедного потерянного друга, Джейсона. Приятно было познакомиться, Перси.

Хейзел пулей вылетела из павильона, Перси за ней. Вряд ли он когда-нибудь в жизни покидал храм с такой радостью.

Спускаясь по холму, Хейзел ругалась на латыни. Перси понял не все, но уловил «сын горгоны», «властолюбивая змея» и несколько цветистых фраз, указывающих, куда Октавиан может засунуть свой нож.

– *Ненавижу* его, – пробормотала она по-английски. – Будь моя воля...

– Его же на самом деле не выберут претором? – спросил Перси.

– Хотелось бы в это верить. У Октавиана много друзей, и большинство из них куплены. Остальные его боятся.

– Боятся этого дрыща?

– Не стоит его недооценивать. Рейна сама по себе не так плоха, но если Октавиан разделит с ней власть... – Хейзел передернуло. – Пойдем к моему брату. Он захочет с тобой познакомиться.

Перси не стал спорить. Ему было любопытно встретиться с этим загадочным братом – может, узнать что-то о прошлом Хейзел: кто ее отец, что за тайну она хранит. Перси не верилось, что она могла совершить что-то плохое. Она такая милая. Но Октавиан вел себя так, словно у него припасен на нее первоклассный компромат.

Хейзел привела Перси к черной крипте, встроенной в склон холма. Перед ней стоял подросток в черных джинсах и авиаторской куртке.

– Эй! – позвала Хейзел. – Со мной друг.

Парень обернулся. Перси опять охватило это странное чувство, что перед ним кто-то знакомый. Подросток был почти так же бледен, как Октавиан, но с темными глазами и взлохмаченными черными волосами. Они с Хейзел были совсем не похожи. На пальце у него блестел серебряный перстень с черепом, на поясе болталась цепочка, черную футболку тоже украшали черепа. А сбоку свисал абсолютно черный меч.

При виде Перси на лице парня на долю секунды отразился шок – даже паника, как если бы на него направили луч прожектора.

– Это Перси Джексон, – сказала Хейзел. – Он хороший парень. Перси, это мой брат, сын Плутона.

Подросток опомнился и протянул ему руку:

– Приятно познакомиться. Я Нико ди Анжело.

5. Хейзел

У Хейзел было такое чувство, что она познакомилась с двумя ядерными бомбами и теперь ждет, какая взорвется первой.

До этого утра ее брат Нико был самым могущественным из знакомых ей полубогов. Остальные в Лагере Юпитера считали его странствующим чудачком не опаснее фавна. Только не Хейзел. Они с Нико не росли вместе и были знакомы не так уж долго. Но она знала, что Нико опаснее Рейны, Октавиана и, возможно, даже Джейсона.

Затем появился Перси.

Сначала, когда он бежал к ним через шоссе со старухой на руках, Хейзел решила, что перед ними замаскированный бог. Несмотря на то что он был весь в ссадинах и грязи и сутулится от усталости, его окружала аура силы. С его зелеными, как море, глазами и взлохмаченными ветром черными волосами он был привлекателен как римский бог.

Она приказала Фрэнку не стрелять в него, подумав, что боги послали им испытание. Ей приходилось слышать подобные истории: ребенок со старухой просит убежища, но невоспитанные смертные им отказывают, а потом – *бам!* – вдруг превращаются в банановых слизней.

Перси подчинил себе реку и уничтожил горгон. Превратил ручку в бронзовый меч. Поставил на уши весь лагерь из-за всех этих разговоров о *греке*.

Сын бога морей...

Много лет назад Хейзел сказали, что потомок Нептуна спасет ее. Но сможет ли Перси на самом деле снять с нее проклятие? Она не смела надеяться.

Перси и Нико обменялись рукопожатием. Они опасливо смотрели друг на друга, и Хейзел едва сдерживалась, чтобы не броситься наутек. Если эти двое скрестят мечи – жди беды.

Худой и неряшливый, в мятых черных одеждах, Нико не внушал страха. Его волосы, как и всегда, выглядели так, словно он только что встал с кровати.

Хейзел вспомнила их знакомство. Как он в первый раз вынул из ножен черный меч, сказав, что это «стигийская сталь», и был при этом весь из себя такой серьезный – она чуть не расхохоталась. Ну какой из этого тощего бледного мальчика боец! И они точно не могут быть родственниками.

Она очень быстро изменила свое мнение.

Перси нахмурился:

– Я... Я тебя знаю.

Нико вскинул брови:

– Правда? – И вопросительно посмотрел на Хейзел.

Та заколебалась. Что-то в реакции брата ее смутило. Он старался вести себя как обычно, но от нее не укрылось, что, увидев Перси, он на секунду запаниковал. Нико определенно его знал. Она в этом уверена. Так почему же он притворяется?

Хейзел заставила себя начать:

– Э-эм... Перси потерял память. – И она рассказала брату, что случилось после того, как Перси пришел к воротам. – В общем, Нико... – осторожно продолжила она, – я подумала... ты же много путешествуешь. Может, ты встречал других полубогов, как Перси, или...

Лицо Нико стало мрачным, как Тартар. Хейзел не знала, в чем дело, но сообщение она получила: «Оставь эту тему».

– Насчет армии Геи, – сказал Нико. – Ты предупредил Рейну?

Перси кивнул:

– Кто она вообще такая, эта Гея?

У Хейзел пересохло во рту. Уже от одного этого имени колени словно обратились в желе, и она с трудом удержалась на ногах. Ей вспомнились сонный женский голос, светящаяся пещера и ощущение, что ее легкие наполняются нефтью.

– Это богиня земли, – Нико покосился на землю, будто она могла подслушивать. – Старейшая богиня из всех. Большую часть времени она беспробудно спит, но ненавидит богов и их детей.

– Мать-земля... злая?! – не поверил Перси.

– Очень, – вполне серьезно ответил Нико. – Она уговорила своего сына, титана Кроноса... эм... в смысле Сатурна... убить его отца, Урана, и захватить мир. Титаны долгое время были у власти. Потом их дети, олимпийские боги, их свергли.

– Звучит знакомо, – с удивлением протянул Перси, словно почти вспомнив что-то. – Но не уверен, что я когда-либо слышал такое про Гею.

Нико пожал плечами:

– Она была вне себя, когда боги встали во главе. Взяла себе нового мужа – Тартара, бога бездны – и произвела на свет расу гигантов. Они попытались уничтожить гору Олимп, но в итоге боги их разбили. По крайней мере... в первый раз.

– В первый раз? – переспросил Перси.

Нико покосился на Хейзел. Ему наверняка не хотелось усугублять ее чувство вины, но тут он был бессилен. Если Перси узнает правду о ней, о тех страшных вещах, которые она натворила...

– Прошлым летом, – продолжил Нико, – Сатурн предпринял попытку вернуться. Была вторая Война титанов. Римляне из Лагеря Юпитера штурмовали его штаб на горе Отрис, что через залив, и уничтожили его трон. Сатурн исчез... – Он осекся и всмотрелся в лицо Перси. Хейзел догадалась, что брат боится подстегнуть его воспоминания. – Ну, в общем, Сатурн, скорее всего, опять растворился в бездне. Мы думали, что война закончена. Но сейчас все указывает на то, что поражение титанов потревожило Гею. Она начала просыпаться. Я слышал, что некоторые гиганты получили перерождение. Если они опять захотят бросить вызов богам, то начнут, вероятно, с уничтожения полубогов...

– Ты рассказал об этом Рейне? – спросил Перси.

– Конечно, – Нико на секунду стиснул зубы. – Римляне мне не доверяют. Поэтому я надеялся, что она прислушается к тебе. Дети Плутона... ну, без обид – к нам относятся еще хуже, чем к детям Нептуна. Мы приносим несчастья.

– Хейзел же разрешили тут остаться, – заметил Перси.

– Это другое, – покачал головой Нико.

– Почему?

– Перси, – вмешалась Хейзел, – пойми: гиганты не самая большая проблема. Даже... даже Гея не самая большая проблема. Но вспомни горгон и что их невозможно убить – *вот* что страшнее всего. – Она посмотрела на Нико. Они подобрались опасно близко к ее тайне, но Хейзел по какой-то причине доверяла Перси: может, потому что он тоже был чужаком или потому что он спас Фрэнка на реке. Он заслуживает знать, что им угрожает. – Я и Нико, – осторожно начала она, – мы думаем, что это потому, что... что Смерть не...

Но ее перебил чей-то крик снизу.

К ним бежал Фрэнк – в своих привычных джинсах, фиолетовой лагерной футболке и джинсовой куртке. Его руки были все в масле после чистки оружия.

Сердце Хейзел исполнило коротенькую чечетку, как делало всякий раз при виде Фрэнка, что ужасно ее раздражало. Да, он хороший друг – один из немногих во всем лагере, кто не относится к ней как к разносчице какой-то заразы, – но это вовсе не значит, что он нравится ей в *таком* смысле. Он был на три года старше ее, и с этим мальчишеским лицом, посаженным на мускулистое тело рестлера, он никак не тянул на звание «прекрасного принца». Ско-

рее на «накачанной коалы». При этом все пытались свести их вместе – *двое самых больших неудачников лагеря! Вы идеальная пара!* – что лишь укрепляло решимость Хейзел ни за что в него не влюбляться.

Но у ее сердца, казалось, другие планы. Вблизи Фрэнка оно пускалось в безумный галоп. Она не чувствовала себя так ни с кем после... ну, после Сэмми.

«Прекрати, – приказала она себе. – Ты здесь по совсем другой причине. Не для того, чтобы завести себе нового парня».

К тому же Фрэнк не знает ее секрета. Если бы знал, он бы не был с ней так добр.

Он остановился рядом с храмом:

– Привет, Нико...

– Фрэнк, – улыбнулся Нико. Похоже, тот его забавлял – возможно, потому что Фрэнк единственный во всем лагере не нервничает рядом с детьми Плутона.

– Рейна отправила меня за Перси, – объяснил Фрэнк. – Октавиан тебя принял?

– Ага, – ответил Перси. – Он зарезал мою панду.

– Он... О. Для предсказания? Да, плюшевым мишкам он, должно быть, в кошмарах снится. Но тебя приняли! Нужно привести тебя в чувство до вечерней переклички.

Только тогда Хейзел заметила, что солнце успело опуститься к холмам. Как же быстро пролетело время!

– Ты прав, – сказала она. – Нам лучше...

– Фрэнк, – перебил Нико, – почему бы тебе не проводить Перси вниз? Мы с Хейзел скоро к вам присоединимся.

«Ой», – подумала Хейзел, но постаралась не показать своего волнения.

– Д-да, хорошая идея, – запнувшись, выдавила она. – Идите вперед. Мы вас нагоним.

Перси взглянул на Нико еще раз, будто надеялся пробудить память:

– Я бы хотел с тобой поговорить. Я не могу отделаться от ощущения...

– Не вопрос, – кивнул Нико. – Позже. Я останусь на ночь.

– Да? – вырвалось у Хейзел. О, все будут в восторге: сын Нептуна и сын Плутона пришли в лагерь в один день. Не хватает только черных кошек и разбитых зеркал.

– Иди, Перси, – поторопил Нико. – Обустраивайся. – Он повернулся к Хейзел, и у нее не осталось сомнений, что самая ужасная часть ее дня еще не началась. – Нам с сестрой нужно поговорить.

– Ты его знаешь, да? – спросила Хейзел.

Они сидели на крыше храма Плутона, усеянной костями и бриллиантами. Насколько Хейзел было известно, кости были здесь всегда, а вот бриллианты появились из-за нее. Когда она где-то долго сидела или была взволнованна, они начинали вылезать из земли вокруг нее как грибы после дождя. Крыша сверкала камнями общей ценностью в несколько миллионов долларов, но, к счастью, никто из местных не посмеет к ним прикоснуться. Они знают, чем чреваты кражи из храмов – особенно из храма, посвященного Плутону, – а фавны сюда никогда не поднимались.

Хейзел вздрогнула, вспомнив сцену с Доном сегодня днем. Если бы она оказалась чуть менее расторопной и не успела бы подхватить с дороги тот бриллиант... Ей не хотелось об этом думать. Она прекрасно обойдется без еще одной смерти на своей совести.

Нико болтал ногами как маленький ребенок. Его меч из стигийской стали лежал сбоку от него, рядом со спатой Хейзел. Он смотрел через долину на Поле Марса, где строительные бригады сооружали укрепления для вечерних игр.

– Перси Джексон, – он произнес это имя как заклинание. – Хейзел, мне нужно быть крайне осторожным со словами. В происходящем задействованы серьезные силы. Некоторые секреты раскрывать не стоит. Ты как никто должна это понимать.

Щеки Хейзел загорелись:

– Но он же не... не как я?

– Нет. Прости, но больше я ничего не могу сказать. Мне нельзя вмешиваться. Перси должен сам найти свой путь в этом лагере.

– Он опасен?

Нико сухо улыбнулся:

– Очень. Для своих врагов. Но Лагерю Юпитера он не угроза. Ты можешь ему доверять.

– Как я доверяю тебе, – с горечью заметила Хейзел.

Нико провернул на пальце перстень с черепом. Кости, лежащие вокруг них на крыше, задрожали, словно в попытке собраться в целый скелет. Когда Нико испытывал сильные эмоции, он всегда оказывал такой эффект на мертвых, и примерно так же работало проклятие Хейзел. Вдвоем они олицетворяли две сферы власти Плутона: смерть и богатство. Иногда Хейзел думала, что Нико выпала более удачная карта.

– Слушай, я понимаю, что тебе тяжело, – сказал он. – Но у тебя появился второй шанс. Ты можешь все исправить.

– Исправить ничего нельзя, – возразила Хейзел. – Если они узнают обо мне правду...

– Не узнают, – пообещал Нико. – Скоро они организуют поиск. Им придется. Я буду тобой гордиться. Поверь мне, Бья...

Он осекся, но Хейзел знала, что он едва не назвал ее Бьянкой. Так звали *настоящую* сестру Нико, с которой он вырос. Может, Нико и беспокоится о Хейзел – но ей никогда не стать Бьянкой. Просто он не смог вернуть ее из Царства Мертвых, и ему пришлось довольствоваться Хейзел – таким утешительным призом.

– Прости, – сказал он.

Во рту Хейзел появился металлический привкус, словно у нее под языком материализовались золотые самородки:

– Так это правда насчет Смерти? За этим стоит Алкионей?

– Думаю, да, – подтвердил Нико. – В Царстве Мертвых дела идут все хуже. Отец с ума сходит, пытаясь удержать все под контролем. Как я понял из рассказа Перси о горгонах, тут, наверху, ситуация не лучше. Но слушай, благодаря этому ты здесь. Все, что произошло в твоём прошлом... ты можешь извлечь из этого что-то *хорошее*. Твое место в Лагере Юпитера.

Это прозвучало настолько смешно, что Хейзел едва не расхохоталась. Она была чужой в этом лагере. Как и в этом столетии.

Она отлично знала, как опасно фокусироваться на прошлом, но ее затопили воспоминания о том дне, когда от ее старой жизни не осталось камня на камне. Она отключилась так быстро, что и ойкнуть не успела. Ее утянуло назад во времени. Это не было сном или видением. Она погрузилась в собственное воспоминание – такое отчетливое, что казалось, будто она переживает все заново.

Ей только-только исполнилось тринадцать. Но это произошло в декабре не *прошлого* года, а семнадцатого декабря тысяча девятьсот сорок первого. Ее последний день в Новом Орлеане.

6. Хейзел

Домой из конюшни Хейзел шла одна. Несмотря на холодный вечер, ее переполняло тепло: Сэмми только что поцеловал ее в щеку.

День был богат на взлеты и падения. Дети в школе дразнили ее из-за мамы, обзывали ведьмой и другими обидными словами. Конечно, это началось далеко не сейчас, но в последнее время стало хуже. Слухи о проклятии Хейзел множились. Название школы – Академия Святой Агнес для цветных детей и индейцев – отлично отражало царящую в ее стенах жестокость, скрывающуюся под тонкой видимостью доброты.

Хейзел не понимала, как другие чернокожие дети могли быть такими бесчувственными. Разве им самим не приходится постоянно терпеть издевки? Но они продолжали на нее кричать и отнимать обеды и постоянно выпрашивали те самые драгоценные камни, о которых все только и говорили: «Где твои проклятые бриллианты, девчонка? Давай сюда, а не то худо будет!» Они толкали ее в фонтан для питья и кидались камнями, когда она пыталась подойти к ним на игровой площадке.

Но какие бы ужасы они ни вытворяли, Хейзел никогда не давала им бриллиантов или золота. Она никого не ненавидела *так* сильно. И потом у нее есть друг, Сэмми, и этого было достаточно.

Сэмми любил пошутить, что он эталонный ученик академии. Он был мексиканцем по происхождению, но считал себя цветным *и* индейцем.

– Им стоило бы дать мне *двойную* стипендию, – говорил он.

Он не был крупным или сильным, но у него была умопомрачительная улыбка и он умел рассмешить Хейзел.

В тот день он повел ее в конюшню, где работал конюхом. Разумеется, этот клуб верховой езды был «только для белых», но в будни он не работал, а из-за войны даже пошли разговоры, что его вообще закроют, пока не истребят всех японцев и солдаты не вернутся домой. Сэмми часто тайком брал с собой Хейзел, и она помогала ему заботиться о лошадях. Иногда они отправлялись покататься.

Хейзел обожала лошадей. Похоже, это были единственные живые существа, которые ее не боялись. Люди ее ненавидели. Кошки на нее шипели. Собаки рычали. Даже глупый хомяк в классе – мисс Финли – пищал в ужасе, когда она давала ему морковку. Но только не лошади. Садясь в седло, она пускалась вскачь, и драгоценные камни просто не успевали вылезти из земли. Она чувствовала себя почти свободной от проклятия.

В тот день она села на песочно-серого жеребца с роскошной черной гривой и пустила его в такой стремительный галоп по полям, что Сэмми остался далеко позади. Когда он ее нагнал, и он и его лошадь были в мыле.

– От чего бежишь? – засмеялся он. – Я же не *настолько* страшный?

Было холодно для пикника, но они все равно привязали лошадей к деревянной ограде и сели под магнолией. Сэмми достал кекс со свечкой, мятый от скачки, но Хейзел в жизни не видела ничего чудеснее. Они разломали кекс пополам и съели.

Сэмми говорил о войне. Он жалел, что из-за возраста не может записаться. Спросил, стала бы Хейзел писать ему письма, если бы он был солдатом на заграничном фронте.

– Конечно, глупый, – заверила она.

Он широко улыбнулся. Затем, словно поддавшись внезапному порыву, быстро наклонился и поцеловал ее в щеку:

– С днем рождения, Хейзел!

Ничего особенного. Всего лишь один поцелуй, даже не в губы. Но Хейзел едва не вспарила. Она смутно помнила, как они вернулись в конюшню и она попрощалась с Сэмми. Он как обычно сказал: «До завтра». Но больше она никогда его не увидит.

К тому моменту как она добралась до Французского квартала, уже начало темнеть. По мере приближения к дому приятное тепло постепенно оставило ее, сменившись страхом.

Хейзел с мамой – та предпочитала, чтобы ее называли Королевой Мари, – жили в старой квартире над джаз-клубом. Несмотря на уже начавшуюся войну, атмосфера вокруг царила праздничная. Новые рекруты бродили по улицам, смеялись и болтали, как будут воевать с японцами. Они делали татуировки в салонах или предлагали возлюбленным руку и сердце прямо на обочине. Кто-то поднимался к маме Хейзел, чтобы послушать предсказание судьбы или купить талисманы Мари Левеск – знаменитой королевы *гри-гри*¹².

– Ты слышал? – делились они впечатлениями. – Она просит две монетки за такой талисман на удачу. Я отнес его к знакомому, так он сказал, что это настоящий серебряный самородок и стоит двадцатку! Эта колдунья вуду сумасшедшая!

Благодаря подобным разговорам какое-то время бизнес Королевы Мари шел в гору. Проклятие Хейзел развивалось постепенно и поначалу казалось благословением. Драгоценные камни и золото появлялись изредка – и никогда в больших количествах. Королева Мари платила по счетам. Раз в неделю они ели на ужин стейки. Хейзел даже обзавелась новым платьем. Но затем пошли пересуды. Местные заметили, что с теми, кто купил талисманы Королевы Мари или взял с нее плату в виде драгоценностей, позже случались ужасные вещи. Чарли Гесу оторвало комбайном руку, на которой он носил золотой браслет. Мистер Хенри из универмага умер от сердечного приступа после того, как Королева Мари расплатилась с ним рубином.

Вскоре зашептались и о Хейзел – как она, просто идя по улице, находила проклятые драгоценные камни. В последнее время к маме Хейзел навевались только приезжие, да и они были редкостью. Мама стала раздражительной, и ее глаза, когда она смотрела на дочь, неизменно пылали гневом.

Хейзел старалась подниматься по ступенькам как можно тише – на случай, если у мамы покупатель. Музыканты в клубе внизу настраивали инструменты. На лестнице пахло растопленным маслом из пекарни по соседству, где начали готовить бенье¹³ на утро.

На площадке наверху Хейзел почудилось, что из квартиры доносятся два голоса. Но когда она заглянула в салон, мама сидела одна за спиритическим столом, и глаза ее были закрыты, закрыты словно в трансе.

Хейзел множество раз видела, как она при клиентах притворялась подобным образом, что разговаривает с духами, но ни разу – наедине с собой. Королева Мари всегда говорила Хейзел, что ее гри-гри – это «чушь и обман». На самом деле она не верила в талисманы, предсказания судьбы и привидений. Все это было лишь представлением ради денег, спектаклем с ней в главной роли.

Но Хейзел знала, что в отдельные виды магии мама *все-таки* верила. Проклятие Хейзел не было обманом. Королева Мари просто не желала думать, что это ее вина – что это она каким-то образом сделала Хейзел такой.

– Это все твой отец, будь он проклят, – начинала ворчать Королева Мари, пребывая в особенно паршивом настроении. – Явился сюда в своем шегольском серебряно-черном костюме. Один раз мне *удалось* вызвать духа – и что я получила? Он исполнил мои желания и разрушил всю мою жизнь. Я должна была стать *настоящей* королевой. Это из-за него ты стала такой. – Она никогда не вдавалась в подробности, и Хейзел быстро усвоила, что спрашивать об отце не стоит. Мама лишь больше злилась.

¹² Гри-гри – талисман вуду, защищающий от зла или приносящий удачу.

¹³ Французские пончики, необычайно любимые жителями Нового Орлеана.

На глазах Хейзел Королева Мари что-то пробормотала себе под нос. Выражение ее лица было спокойным и расслабленным. Она перестала хмуриться, ее лоб разгладился, и Хейзел с изумлением отметила красоту своей матери. У нее была густая копна золотисто-каштановых волос, как у Хейзел, такая же темная, как жареные кофейные зерна, кожа. Никаких причудливых шафрановых мантий и золотых браслетов, которые она надевала, чтобы впечатлить клиентов, – лишь простое белое платье. Но, сидя в своем позолоченном кресле, с прямой спиной, преисполненная достоинства, она выглядела величественно, как настоящая королева.

– Там ты будешь в безопасности, – промурлыкала она. – Вдали от богов.

Хейзел едва сдержала крик. Голос раздавался из маминого рта, но говорила *не она*. Какая-то старуха. Тон был мягким и успокаивающим, но в то же время повелительным – как у гипнотизеров.

Королева Мари напряглась. Не выходя из транса, она нахмурилась и произнесла уже своим голосом:

– Это слишком далеко. Слишком холодно. Слишком опасно. Он сказал, что туда нельзя.

Другой голос ответил:

– Можно подумать, он хоть раз сделал для тебя что-то хорошее! Дал тебе порченное дитя! Но ее талант может принести нам пользу. Мы можем отомстить богам. Ты будешь под моей протекцией на севере, вдали от территории богов. Я сделаю своего сына твоим защитником. Наконец-то ты заживешь как королева.

Королева Мари поморщилась:

– Но как же Хейзел... – И ее губы растянулись в зловещей усмешке.

– Порченное дитя, – произнесли оба голоса в унисон, словно сошлись во мнении.

Хейзел с колотящимся сердцем метнулась по ступенькам вниз.

В конце лестницы она врезалась в мужчину в темном костюме. Он схватил ее за плечи сильными холодными пальцами.

– Спокойно, девочка, – сказал он.

Хейзел сначала заметила серебряный перстень с черепом у него на пальце, затем обратила внимание на странную ткань его костюма. В полумраке черное шерстяное полотно, казалось, изгибалось и вздымалось, порождая образы искаженных в агонии лиц, как если бы падшие души пытались прорваться на волю сквозь складки.

Галстук у него был черный с платиновыми полосками. Рубашка – серая, как могильная плита. А лицо... У Хейзел едва сердце не выпрыгнуло из горла. Его кожа была такой белой, что казалась голубоватой, как холодное молоко. Черные волосы напояжены и аккуратно зачесаны. Улыбался он достаточно тепло, но в глазах горело неистовое пламя безумия. Хейзел помнила этот взгляд по документальным фильмам, которые показывали в кинотеатре. Этот мужчина был очень похож на того ужасного Адольфа Гитлера. Только усов не хватало, а так он легко мог сойти за его близнеца... или отца.

Хейзел попыталась отстраниться, но даже когда мужчина ее отпустил, она не смогла пошевелиться. Его взгляд пригвоздил ее к месту.

– Хейзел Левеск, – меланхоличным тоном произнес он. – Ты выросла.

Хейзел задрожала. По цементной лестничной площадке рядом с ногами мужчины пробежала трещина. Из земли со скоростью выплунутой арбузной косточки вылетел переливающийся камень. Мужчина не выглядел удивленным. Он наклонился.

– Нет! – закричала Хейзел. – Он проклят!

Он подобрал камень – идеальной формы изумруд.

– Да, он проклят. Но меня это не коснется. Такой красивый... стоит дороже всего этого здания, полагаю. – Он убрал изумруд в карман. – Прости меня за такую судьбу, дитя. Должно быть, ты меня ненавидишь.

Хейзел ничего не понимала. Мужчина казался опечаленным, словно нес за ее несчастья личную ответственность. А затем ее осенило: дух в серебряном и черном, который исполнил мамины желания и разрушил ее жизнь!

Ее глаза округлились:

– Ты... Ты мой...

Он обхватил ладонью ее подбородок:

– Я Плутон. Моим детям всегда живется нелегко, но у тебя особая ноша. Тебе уже тринадцать, и мы должны принять меры...

Она отпихнула его руку:

– Это *ты* сделал меня такой?! Ты проклял меня и мою маму?! И ты бросил нас?! – Глаза щипало от слез. Этот богатый белый мужчина в дорогом костюме ее *отец*?! Он дождался, когда ей исполнится тринадцать, чтобы наконец объявиться и попросить прощения?

– Ты ужасен! – закричала она. – Ты разрушил наши жизни!

Глаза Плутона сузились:

– Что твоя мама тебе наговорила, Хейзел? Она никогда не рассказывала о своем желании? Или почему ты родилась проклятой?

Хейзел была так зла, что не могла и слова вымолвить, но Плутон, очевидно, прочел ответы по ее лицу.

– Нет... – он вздохнул. – Полагаю, что нет. Куда проще винить меня.

– Ты о чем?

Плутон опять вздохнул:

– Бедная девочка. Ты родилась слишком рано. Твое будущее скрыто от меня в тумане, но когда-нибудь ты найдешь свое место в жизни. Потомок Нептуна смоет твоё проклятие и подарит тебе покой. Но я боюсь, что это произойдет лишь через много лет... – Хейзел не поняла ни слова. Не дожидаясь ее реакции, Плутон вытянул перед собой руку. На его ладони возникли альбом для рисования и коробка цветных карандашей. – Насколько мне известно, ты любишь искусство и кататься верхом. Это мой подарок тебе, чтобы ты могла рисовать. Что касается лошади... – его глаза блеснули, – тут тебе придется справиться своими силами. А теперь мне нужно поговорить с твоей мамой. С днем рождения, Хейзел.

Он отвернулся и начал подниматься по лестнице – просто взял и ушел, словно вычеркнул Хейзел из списка своих дел и тут же выбросил ее из головы. «С днем рождения. Иди нарисуй картинку. Увидимся еще через тринадцать лет».

Она была так обескуражена, зла и растеряна, что осталась неподвижно стоять в начале лестницы. Ей хотелось швырнуть карандаши на пол и растоптать их. Хотелось догнать Плутона и пнуть его. Хотелось убежать, найти Сэмми, украсть лошадь, покинуть город и никогда не возвращаться. Но ничего из этого она не сделала.

Наверху открылась дверь, и Плутон вошел в квартиру.

Все еще ежась после его холодного прикосновения, Хейзел на цыпочках поднялась по лестнице, чтобы посмотреть, что он будет делать. Что он скажет Королеве Мари? Кто ему ответит – мама или тот жуткий голос?

У порога Хейзел услышала спор. Она заглянула внутрь. Мама вела себя как обычно – кричала и в ярости разбрасывала вещи, пока Плутон пытался ее урезонить:

– Мари, это безумие. Ты будешь слишком далеко, чтобы я смог тебя защитить.

– Защитить меня?! – рявкнула Королева Мари. – Когда ты *вообще* меня защищал?!

Черный костюм Плутона замерцал, словно заключенные в ткани души тоже заволновались.

– Чтобы ты знала – это благодаря мне вы все еще живы, ты и девочка. Мои враги повсюду, как среди богов, так и среди смертных. А теперь из-за войны будет только хуже. Ты *должна* оставаться там, где я могу...

– Полиция считает меня убийцей! – закричала Королева Мари. – Мои клиенты хотят повесить меня как ведьму! А Хейзел... наложенное на нее проклятие усиливается! Твоя защита нас убивает!

Плутон умоляюще развел руками:

– Мари, пожалуйста...

– Нет! – Королева Мари отвернулась к шкафу, достала кожаный чемодан и швырнула его на стол. – Мы уезжаем, – объявила она. – Оставь свою защиту себе. Мы отправимся на север.

– Мари, это ловушка, – предупредил Плутон. – Кто бы ни нашептывал тебе на ухо, кто бы ни настроил тебя против меня...

– Ты *сам* настроил меня против себя!

Она схватила фарфоровую вазу и бросила в него. Ваза разбилась об пол, и во все стороны полетели драгоценные камни – изумруды, рубины, бриллианты. Вся коллекция Хейзел.

– Вы не выживете, – настаивал Плутон. – Если вы отправитесь на север, то обе погибнете. Я ясно это вижу.

– Убирайся! – отрезала она.

Хейзел хотела, чтобы Плутон остался и продолжил спорить. Что бы ни задумала мама, Хейзел это не нравилось. Но отец махнул рукой и растворился в тенях... как настоящий дух.

Королева Мари закрыла глаза и глубоко вдохнула. Хейзел испугалась, что ее опять захватит незнакомый голос. Но этого не произошло.

– Хейзел, а ну выйди из-за двери!

Хейзел, дрожа, послушалась. Она прижимала к груди альбом с карандашами.

Мама смотрела на нее с горьким разочарованием во взгляде. «Порченное дитя», – так сказали голоса.

– Собирайся, – приказала она. – Мы уезжаем.

– К-куда? – спросила Хейзел.

– На Аляску. Там от тебя будет польза. Мы начнем новую жизнь.

Королева Мари произнесла это таким тоном, что у Хейзел сложилось впечатление, будто они собираются подарить «новую жизнь» кому-то – или *чему-то* – другому.

– О чем говорил Плутон? – спросила Хейзел. – Он правда мой отец? Он сказал, ты загадала желание...

– Бегом в свою комнату! – рявкнула мама. – Собирайся!

Хейзел сорвалась с места – и внезапно прошлое исчезло.

Нико тряс ее за плечи:

– Ты опять это сделала.

Хейзел моргнула. Они сидели на крыше храма Плутона. Солнце опустилось к горизонту. Вокруг блестело еще больше бриллиантов, а ее глаза распухли от слез.

– П-прости, – пробормотала она.

– Тебе не за что извиняться, – ответил Нико. – Где ты была?

– В маминой квартире. Когда мы переехали.

Нико кивнул. Он как никто понимал ее предысторию. Он тоже был ребенком сороковых: родился на пару лет позже Хейзел, а затем несколько десятилетий провел в магическом отеле. Но прошлое Хейзел было намного страшнее прошлого Нико – столько зла и причиненных страданий оказалось на ее совести...

– Тебе нужно научиться управлять этими воспоминаниями, – предупредил брат. – Если они накроют тебя во время боя...

– Знаю, – перебила она. – Я стараюсь.

Нико сжал ее ладонь:

– Все нормально. Я думаю, это побочный эффект от... ну, знаешь... твоего пребывания в Царстве Мертвых. Надеюсь, со временем станет легче.

Хейзел не была в этом уверена. Прошло уже восемь месяцев, но она «отключалась» все чаще, словно ее душа пыталась жить одновременно в двух временных отрезках. Еще никому не удавалось вернуться из мира мертвых – по крайней мере, не *таким* способом. Нико старался ее успокоить, но он тоже не знал, что будет дальше.

– Я не могу опять отправиться на север, – сказала Хейзел. – Нико, если мне придется вернуться туда, где это произошло...

– Все будет в порядке, – пообещал он. – В этот раз с тобой будут друзья. Перси Джексон – ему предстоит сыграть важную роль. Ты ведь сама это чувствуешь, верно? С ним не пропадешь.

Хейзел вспомнила давние слова Плутона: «Потомок Нептуна смоет с тебя проклятие и подарит покой».

Он говорил о Перси? Возможно, но интуиция подсказывала Хейзел, что все будет далеко не так просто. Перси вообще может не пережить того, что поджидает их на севере.

– Откуда он пришел? – спросила она. – Почему привидения зовут его греком?

Прежде чем Нико успел ответить, по другую сторону реки затрубили горны. Легионеры собирались на вечернюю перекличку.

– Нужно поторопиться, – сказал Нико. – У меня такое чувство, что сегодняшние военные игры обещают быть интересными.

7. Хейзел

По дороге назад Хейзел споткнулась о золотой слиток.

Не стоило бежать так быстро, но она боялась опоздать на перекличку. Центурионы Пятой когорты были добрейшими во всем лагере, но даже *они* накажут ее за медлительность. А римские наказания суровы: тебя могут заставить отскрести улицы зубной щеткой или чистить бычьей стойла в Колизее, а могут зашить в мешке, полном злых горностаев, и бросить в Малый Тибр – ни один из вариантов не радовал.

Золотой слиток выскочил из земли прямо у нее под ногой. Нико попытался ее удержать, но она все равно упала и оцарапала ладони.

– Ты в порядке? – Нико присел рядом на колени и потянулся к слитку.

– Не трогай! – предупредила Хейзел.

Нико замер:

– Точно. Извини. Просто... ого. Эта штука *огромная*. – Он достал из кармана своей авиаторской куртки фляжку с нектаром и полил немного на ладони Хейзел. Царапины тут же начали затягиваться. – Можешь встать?

Он помог ей подняться, и они оба устали на слиток размером с буханку хлеба, с вычеканенными серийным номером и словами «Министерство финансов США».

Нико покачал головой:

– Клянусь Тартаром, как...

– Не знаю, – печально отозвалась Хейзел. – Его могли закопать здесь грабители, или он упал с повозки сотню лет назад. А может, его притянуло сюда из ближайшего банковского сейфа. Все, что есть в земле вблизи меня, просто выпрыгивает на поверхность. И чем оно ценнее...

– ...тем опаснее. – Нико нахмурился. – Может, его чем-то прикрыть? Вдруг фавны его найдут?

Хейзел представила себе поднимающееся над дорогой грибное облако и разлетающихся во все стороны обугленных и сваренных заживо фавнов. О таком даже думать страшно.

– Он *должен* погрузиться назад в землю, когда я уйду, со временем, но просто на всякий случай... – Она уже практиковала этот трюк, но никогда с чем-то столь тяжелым и плотным. Она указала пальцем на золотой слиток и сконцентрировалась.

Слиток взлетел. Хейзел направила в него всю свою злость, что было несложно – она ненавидела это золото, ненавидела это проклятие, ненавидела думать о прошлом и обо всех своих ошибках. Пальцы закололо. Слиток засветился, нагреваясь.

Нико сглотнул:

– Э-э-э... Хейзел, ты уверена?..

Она сжала кулак. Золото смялось как замазка. Хейзел заставила его изогнуться в огромное неровное кольцо, затем резко опустила руку. Ее «донат» стоимостью миллион долларов врезался в землю, уйдя так глубоко, что на случившееся указывал лишь свежий след в грязи.

У Нико округлились глаза:

– Это было... жутко.

На взгляд Хейзел, это было ничто по сравнению со способностью оживлять скелеты и воскрешать мертвых, но ей было приятно, что она смогла в кои-то веки удивить *его*.

В лагере затрубили горны. Когорты готовились начать перекличку, и Хейзел совсем не горела желанием оказаться зашитой в мешке с горностаями.

– Скорее! – сказала она Нико, и они побежали к воротам.

Впервые увидев легион в полном сборе, Хейзел так испугалась, что едва не юркнула назад в барак, чтобы спрятаться. Даже проведя девять месяцев в лагере, она не уставала поражаться этому зрелищу.

Первые четыре когорты, в каждой не меньше сорока ребят, выстроились ровными рядами перед своими бараками вдоль Виа Претория. Место Пятой было в самом конце, напротив принцепии – их бараки ютились в дальнем углу лагеря рядом со стойлами и уборными. Хейзел пришлось бежать к своей шеренге через весь легион.

Легионеры были экипированы для войны. Полированные кольчуги и наголенники блестяли поверх фиолетовых футболок и джинсов. Шлемы были украшены изображениями мечей и черепов. Даже кожаные армейские ботинки выглядели устрашающе благодаря шипастым железным подковам – идеальным, чтобы шагать по грязи или наступать на лицо.

Перед шеренгами как огромные костяшки домино стояли красные и золотые щиты, каждый размером с дверь холодильника. Все легионеры были вооружены напоминающим гарпун копьем – *пилумом*, гладиусом, кинжалом и другим оружием общим весом в сотню фунтов¹⁴. Если ты был в плохой форме до прихода в лагерь, жизнь здесь быстро это исправляла. Уже просто хождение в полном обмундировании приравнивалось к интенсивной тренировке.

Хейзел и Нико подросли как раз к окончанию построения, поэтому их увидели *абсолютно* все. Их шаги эхом отражались от камней мостовой. Хейзел старалась не смотреть никому в глаза, но заметила усмешку Октавиана, стоящего во главе Первой когорты и выглядящего донельзя высокомерным в своем шлеме центуриона с гребнем и с дюжиной медалей на груди.

Хейзел все еще была вне себя из-за его шантажа. Глупый авгур с его даром прорицания – почему именно *он* из всех людей в лагере должен был узнать ее секреты?! Она не сомневалась, что он бы давным-давно ее сдал, если бы не решил приберечь это знание в качестве рычага давления. Жаль, что при ней нет того слитка золота – она бы врезала им ему по лицу.

Она пробежала мимо Рейны, легким галопом скачущей взад-вперед по улице на своем пегасе Сципио, из-за масти прозванном Скиппи – в честь производителя арахисовой пасты. По бокам от нее трусили металлические псы Аурум и Аргентум, за спиной развевался фиолетовый офицерский плащ.

– Хейзел Левеск, – сказала она, – я очень рада, что ты смогла к нам присоединиться.

Хейзел знала, что лучше не отвечать. Она не успела надеть доспехи и полностью вооружиться, но тем не менее поспешила занять свое место за Фрэнком и встать по стойке «смирно». Возглавляющий их когорту центурион, здоровый семнадцатилетний парень Дакота, как раз назвал ее имя – последнее в списке.

– Здесь! – пискнула она.

Хвала богам. Формально она не опоздала.

Нико встал рядом с Перси Джексонем, стоящим сбоку в компании пары стражников. Волосы Перси были мокрыми после терм, но, несмотря на чистые одежды, он явно испытывал дискомфорт. Хейзел понимала почему: его собирались представить одновременно двум сотням тяжеловооруженных ребят.

Лары появились последними. Их фиолетовые силуэты, подмигивая, плыли между рядами в поисках своих мест. У привидений была дурная привычка становиться наполовину внутри живого человека, из-за чего строй напоминал размытую фотографию, но в конце концов центурионы навели порядок.

Октавиан крикнул:

– Знаки!

¹⁴ Фунт – единица измерения массы, возникшая еще в Древнем Риме и используемая в некоторых европейских странах. Сейчас международный фунт равен приблизительно 0,45 кг.

Вперед вышли знаменосцы в плащах из львиных шкур, держа в руках шесты с отличительными знаками когорт. Последним свой штандарт вынес Джейкоб, хранитель легионного орла. Но орла на его шесте не было. Эта должность предполагала почет, но Джейкоб явно ее ненавидел. Рейна настаивала на соблюдении традиции, но всякий раз, когда пустой шест поднимался над рядами, Хейзел чувствовала волны стыда, прокатывающиеся по всему легиону.

Рейна остановила пегаса.

– Римляне! – заговорила она. – Вы наверняка уже слышали о сегодняшнем вторжении. Новоприбывший Перси Джексон утопил в реке двух горгон. Юнона лично привела его сюда и представила как сына Нептуна.

Ребята в дальних рядах вытянули шеи в сторону Перси. Тот поднял руку:

– Привет.

– Он хочет вступить в легион, – продолжила Рейна. – Что сказали авгуры?

– Я прочел его предсказание по внутренностям! – сообщил Октавиан с таким апломбом, как если бы убил льва голыми руками, а не разорвал подушку-игрушку в виде панды. – авгуры ему благоволят. Он достоин служить!

Легионеры разразились приветственным «Аве!».

Фрэнк немного запоздал, и его «аве» разнеслось по округе фальцетным эхом. Многие захихикали.

Рейна жестом попросила старших офицеров выйти вперед – по одному от каждой когорты. Октавиан как самый старший центурион повернулся к Перси.

– Рекрут, у тебя есть рекомендации? – спросил он.

Хейзел помнила эту часть по своему вступлению в легион. Многие дети приносили с собой письма от взрослых полубогов, ветеранов лагеря, живущих во внешнем мире. У некоторых рекрутов были известные и богатые покровители. Кто-то происходил из третьего или четвертого поколения легионеров. Хорошая рекомендация могла обеспечить тебе место в лучшей когорте, а иногда даже особую должность, например легионного гонца, что освобождало от рядовых заданий вроде выкапывания траншей или спряжения латинских глаголов.

Перси переступил с ноги на ногу:

– Рекомендации? Э-эм... нет.

Октавиан поморщился.

«Нечестно!» – хотелось крикнуть Хейзел. Перси принес в лагерь богиню – какую рекомендацию им еще нужно?! Но семья Октавиана уже больше столетия отправляла детей в лагерь, и он обожал напоминать рекрутам о своей значимости.

– Рекомендаций нет, – с притворным сожалением повторил авгур. – Кто-нибудь из легионеров за него поручится?

– Я поручусь! – вышел вперед Фрэнк. – Он спас мне жизнь!

Другие когорты тут же разразились протестующими криками. Рейна подняла руку, призывая к тишине, и сердито посмотрела на Фрэнка:

– Фрэнк Чжан, это уже второй раз за сегодняшний день, когда я напоминаю тебе, что ты на пробатио. Твой божественный родитель еще тебя не признал. Ты не вправе ни за кого поручаться, пока не заработаешь свою первую полосу.

Судя по лицу Фрэнка, он был не прочь провалиться под землю.

Хейзел не могла это так оставить. Она шагнула вперед:

– Фрэнк хотел сказать, что Перси спас нас *обоих*. Я полноправный член легиона. Я поручусь за Перси Джексона.

Фрэнк бросил на нее благодарный взгляд, но другие легионеры зашептались. Слово Хейзел имело мало веса: она получила свою полосу всего пару недель назад, и «доблестный поступок», послуживший поводом для этого, был скорее случайностью. Кроме того, она была доче-

рию Плутона и состояла в позорной Пятой когорте. Поддержав Перси, она, можно сказать, оказала ему медвежью услугу.

Рейна поморщилась, но все же повернулась к Октавиану. Авгур улыбнулся и пожал плечами, будто находил происходящее забавным.

«Возможно, так оно и есть», – подумала Хейзел. Если Перси определяют в Пятую когорту, это сделает его менее опасным в глазах остальных, не говоря уж о том, что Октавиану нравилось держать своих врагов в одном месте.

– Хорошо, – провозгласила Рейна. – Хейзел Левеск, ты будешь ответственна за нового рекрута. Твоя когорта принимает его в свои ряды?

Легионеры из других когорт закашляли, маскируя смех. Хейзел знала, что они думают: «Еще один неудачник в Пятую».

Фрэнк постучал щитом о землю. Остальные ребята из Пятой присоединились, хоть и без особого энтузиазма. Их центурионы, Дакота и Гвен, страдальчески переглянулись: «Опять!»

– Моя когорта сказала свое слово, – объявил Дакота. – Мы принимаем этого рекрута в наши ряды.

Рейна с жалостью посмотрела на Перси:

– Поздравляю, Перси Джексон. Ты официально на пробатио. Тебе выдадут табличку с твоим именем и номером когорты. Через год или же если тебе удастся совершить доблестный поступок, ты станешь полноправным членом Двенадцатого легиона Фульмината. Служи Риму, подчиняйся правилам легиона и защищай лагерь с честью. *Senatus Populusque Romanus!*

Легион хором повторил девиз.

Рейна развернула пегаса прочь от Перси, словно ей не терпелось покончить с этой частью вечера. Сиппи расправил свои красивые крылья. Хейзел невольно кольнула зависть. Она бы все отдала за такую лошадь, но ей это не светит. Кони полагались только офицерам либо варварской коннице, но не простым римским легионерам.

– Центурионы, – снова заговорила Рейна, – у вас и у ваших войск есть один час на ужин. Затем мы встретимся на Поле Марса. Первая и Вторая когорты будут обороняться. Третья, Четвертая и Пятая – атаковать. Удачи!

Легионеры отозвались громкими криками, радуясь предстоящим военным играм и ужину, и побежали к обеденному залу.

Хейзел помахала Перси, который прорвался к ней сквозь толпу в компании Нико, и с удивлением увидела на лице брата широкую улыбку.

– Молодчина, сестрица, – похвалил он. – Нужно иметь большое мужество, чтобы поручиться за него.

Он никогда еще не обращался к ней «сестрица». А Бьянку он тоже так называл?

Один из стражников дал Перси его пробатио-жетон, и Перси повесил его на свой кожаный шнурок с загадочными бусинами.

– Спасибо, Хейзел, – сказал он. – А что это значит – что ты за меня поручилась?

– Я гарант твоего хорошего поведения, – объяснила Хейзел. – Я буду учить тебя правилам, отвечать на твои вопросы и делать все, чтобы ты не опозорил легион.

– А... если я сделаю что-то плохое?

– Меня убьют вместе с тобой, – ответила Хейзел. – Вы голодны? Идемте есть.

8. Хейзел

По крайней мере лагерная еда была вкусной. Невидимые духи ветра – ауры, – прислуживающие обитателям лагеря, похоже, интуитивно знали, чего хочет каждый. Они так быстро разносили тарелки и кубки, что обеденный зал напоминал аппетитный ураган. Когда кто-то слишком быстро вставал, то мог получить стручком гороха в глаз или горшочком с тушеным мясом в лоб.

Хейзел ела гамбо с креветками¹⁵ – это блюдо всегда ее умиротворяло, навевая воспоминания о детстве в Новом Орлеане, когда наложенное на нее проклятие еще не начало себя проявлять, а мама не была постоянно на взводе. Перед Перси поставили чизбургер и странного вида ярко-голубую газировку. Хейзел никогда такой не видела, но Перси, попробовав ее, довольно улыбнулся.

– Мне от нее радостно, – сказал он. – Не знаю почему, но... радостно.

Всего на секунду одна из аур стала видимой: в воздухе возникла миниатюрная девушка в белом шелковом платье. Хихикнув, она наполнила стакан Перси до краев и растворилась в порыве ветра.

Этим вечером в обеденном зале было особенно шумно. Стены дрожали от смеха. С кедровых потолочных балок свисали военные знамена, покачиваясь в потоках усердных аур, следящих за тем, чтобы ни одна тарелка не пустела. Легионеры ужинали, как было принято у римлян – сидя на диванах за низкими столами, – но постоянно вставали, менялись тарелками, сплетничали, кто кому нравится, и все в таком духе.

Как обычно, Пятая когорта заняла *наименее* почетное место. Ее столы стояли в дальней части зала, рядом с кухней. За столом Хейзел всегда было немногочисленно. Сегодня к ним с Фрэнком, ее обычной компании, присоединились Перси, Нико и их центурион Дакота, но тот, скорее всего, просто посчитал себя обязанным поприветствовать нового рекрута.

Дакота сидел, откинувшись на спинку дивана, и потягивал свой дополнительно подслащенный напиток. Это был крупный парень с черными кудрями и немного неровно посаженными глазами, из-за чего у Хейзел, когда она на него смотрела, возникало чувство, что мир наклонялся. Вечер только начался, а он уже столько выпил – это не к добру.

– Итак. – Он икнул и взмахнул кубком. – Добро пожаловать к нам, Песни. – Он нахмурился. – Перси. Неважно.

– О... спасибо, – отозвался Перси, но его внимание было сосредоточено на Нико. – Знаешь, я бы хотел позже с тобой поговорить – ну... насчет того, где я мог раньше тебя видеть.

– Не вопрос, – слишком быстро ответил Нико. – Но тут такое дело... большую часть времени я провожу в Царстве Мертвых. Так что если мы не встречались там, что вряд ли...

Дакота срыгнул:

– Его называют посланцем Плутона. Рейна никогда не знает, что с ним делать, когда он приходит. Ты бы видел ее лицо, когда он явился с Хейзел и попросил взять ее к нам. Э-эм, без обид.

– Никаких обид, – Нико явно был только рад сменить тему. – Кстати, Дакота, спасибо тебе, что поручился тогда за Хейзел.

Центурион зарделся:

– Да ну... Она показалась мне ничего. И ведь я оказался прав. В прошлом месяце, когда она спасла меня... ну... это...

– О да! – Фрэнк даже оторвался от своих фиш-энд-чипс. – Перси, жаль, ты ее не видел! Это тогда Хейзел заработала полоску. Единороги впали в панику...

¹⁵ Густой, острый и ароматный суп с морепродуктами, который начали готовить в Луизиане в XVIII веке.

– Ерунда, – вмешалась Хейзел.

– Ерунда?! – изумленно переспросил Фрэнк. – Дакоту едва не затоптали! Но ты встала прямо перед ними и прогнала их, чем спасла его шкуру. Я никогда ничего подобного не видел.

Хейзел прикусила губу. Ей не нравилось говорить об этом, она чувствовала себя неловко. Фрэнк представил ее героиней, но, если честно, в тот момент ее больше волновало, что единороги в панике могли себя поранить. Их рога были из серебра и золота. Немного концентрации – и она смогла увести их за рога в сторону и назад, в стойла. За это она получила полноценное место в легионе, но вместе с этим о ее странных силах поползли слухи, совсем как в старые плохие времена.

Перси посмотрел на нее, и Хейзел стало неуютно под пристальным взглядом его зеленых, как море, глаз.

– Вы с Нико росли вместе? – спросил он.

– Нет, – ответил вместо нее Нико. – Я лишь недавно узнал, что Хейзел моя сестра. Она из Нового Орлеана.

Это, конечно, была правда, но не вся. По словам Нико выходило, будто он наткнулся на нее в Новом Орлеане и привел в лагерь. Так было проще, чем рассказывать, как случилось на самом деле.

Хейзел старалась вести себя как современные дети, но это было нелегко. К счастью, в лагере технологии не приживались: окутывающая его магия поджаривала электронные мозги гаджетов. Но в свой первый выходной в Беркли она едва не сошла с ума. Телевизоры, компьютеры, айподы, Интернет... Она была счастлива вернуться в мир привидений, единорогов и богов. Он казался куда *менее* фантастичным, чем двадцать первый век.

Нико тем временем продолжал говорить о детях Плутона:

– Нас не так много, поэтому приходится держаться вместе. Когда я нашел Хейзел...

– У тебя есть еще сестры? – спросил Перси таким тоном, словно почти не сомневался в ответе. Хейзел вновь задалась вопросом, откуда Перси и Нико знают друг друга и что ее брат скрывает.

– Одна, – подтвердил Нико. – Она умерла. Я несколько раз виделся с ее духом в Царстве Мертвых, но в последний раз, когда я туда спустился... – «...чтобы вернуть ее», – додумала про себя Хейзел. Но Нико сказал другое: —...ее там уже не было. – Его голос стал глуше: – Она была в Элизии, это вроде как рай в Царстве Мертвых, но она решила переродиться. Теперь я ее уже никогда не увижу. Мне просто повезло, что я нашел Хейзел... в смысле там, в Новом Орлеане.

Дакота заворчал:

– Если, конечно, не верить слухам. Чего я не делаю.

– Слухам? – переспросил Перси.

Их отвлек фавн Дон, закричавший с другого конца зала:

– Хейзел!

Хейзел еще никогда не была так рада его видеть. Ему запрещалось заходить в лагерь – что, естественно, его не останавливало. Он направился к их столу, улыбаясь всем и каждому, утаскивая с тарелок еду и то и дело тыча пальцем в кого-нибудь со словами «Эй! Позвони мне!» Летящая по воздуху пицца врезалась ему в голову, и он исчез за диваном, но затем снова появился, с той же широченной улыбкой на лице, и продолжил свой путь к ним:

– Моя любимица! – От него пахло мокрым козлом, обернутым в старый сыр. Он наклонился через спинку дивана и изучил содержимое их тарелок. – Слышь, новенький, ты это есть будешь?

Перси нахмурился:

– Разве фавны не вегетарианцы?

– На чизбургеры это не распространяется, чувак! Дай тарелку! – Он понюхал волосы Перси. – Слышь... что это за запах?

– Дон! – воскликнула Хейзел. – Не груби!

– Нет, чувак, я просто...

Вителлий, их домашнее божество, материализовался из ниоткуда, оказавшись наполовину погруженным в диван Фрэнка.

– Фавны в обеденном зале! До чего мы докатились! Центурион Дакота, займись своими обязанностями!

– Я и занимаюсь, – проворчал Дакота в свой кубок. – Я ужинаю!

Дон продолжал обнюхивать Перси:

– Чувак, да у тебя эмпатическая связь с фавном!

Перси отстранился от него:

– Чего?

– Эмпатическая связь! Очень слабая, как будто ее кто-то подавляет, но...

– Слушайте! – вскочил вдруг Нико. – Хейзел, давайте вы с Фрэнком пока расскажете Перси что да как, а мы с Дакотой пойдем к преторскому столу. Дон, Вителлий, вы с нами. Обсудим стратегии военных игр.

– Стратегии проигрыша? – пробормотал Дакота.

– Мальчик-Смерть прав! – сказал Вителлий. – Этот легион бьется хуже, чем мы в Иудее, и именно тогда мы в *первый* раз потеряли нашего орла. Но если бы всем руководил я...

– А можно я сначала съем ножи и вилки? – спросил Дон.

– Идемте! – Нико схватил Дона и Вителлия за уши – только он мог касаться ларов – и потащил их к преторскому столу.

Вителлий от возмущения сыпал бессвязными ругательствами.

– Ай! – восклицал Дон. – Чувак, осторожней!

– Пошли, Дакота! – позвал Нико через плечо.

Центурион с неохотой встал и вытер рот, хотя толку от этого было никакого – его губы оставались перманентно красными.

– Скоро вернусь. – Он встряхнулся всем телом, как мокрый пес, и побрел прочь, расплескивая содержимое своего кубка.

– Что это сейчас было? – спросил Перси. – И что не так с Дакотой?

Фрэнк вздохнул:

– С ним все нормально. Он сын Бахуса, бога вина. У него зависимость.

Перси выпучил глаза:

– Вы разрешаете ему пить *вино*?!

– Боги, нет! – поспешила заверить его Хейзел. – Это было бы катастрофой. Он подсел на красный «Кул-Эйд»¹⁶. Еще и мешает его с тройной порцией сахара, а у него и так СДВГ: ну, знаешь – синдром дефицита внимания и гиперактивности. Когда-нибудь его голова точно взорвется.

Перси взглянул в сторону преторского стола. Большинство офицеров обсуждали что-то с Рейной. Нико и двое его пленников, Дон и Вителлий, маячили на периферии. Дакота бегал туда-сюда вдоль сложенных щитов и барабанил по ним кубком как по ксилофону.

– СДВГ, – повторил Перси. – Никогда бы не подумал.

Хейзел подавила смех:

– Ну... он есть почти у всех полубогов. Как и дислексия. Наши мозги устроены иначе. Ты тоже говорил, что у тебя проблемы с чтением.

¹⁶ Растворимый ароматизированный напиток с фруктовым вкусом, изобретенный в 1927 году и до сих пор популярный в США. Для приготовления пакетика «Кул-Эйда» используют почти два литра воды – и почти полный стакан сахара.

– У вас тоже? – спросил Перси.

– Не знаю, – призналась Хейзел. – Может быть. В мое время таких детей просто считали ленивыми.

Перси нахмурился:

– В *твое* время?

Хейзел выругалась про себя.

К счастью для нее, к разговору присоединился Фрэнк:

– Вот бы у меня был СДВГ или дислексия! А так могу похвастаться лишь непереносимостью лактозы.

Перси улыбнулся:

– Серьезно?

Фрэнк, возможно, был самым глупым полубогом в истории, но Хейзел всякий раз умилялась, когда он обиженно надувал губы и ссутуливался.

– А я обожаю мороженое, так что... – она пожала плечами.

Перси засмеялся. Хейзел тоже не смогла сдержаться. Было приятно сидеть вот так за ужином и чувствовать себя в окружении друзей.

– Ладно, объясните мне, что такого плохого в Пятой когорте? – попросил Перси. – Вы классные.

У Хейзел от его комплимента закололо пальцы ног.

– Это... сложно. Не считая того, что я дочь Плутона, я хочу ездить верхом.

– Поэтому у тебя кавалерийский меч?

Она кивнула:

– Хотя это глупо. Не стоит и надеяться. В лагере всего один пегас, и он принадлежит Рейне. Единорогов держат только из медицинских соображений, потому что стружки с их рогов лечат отравления ядами и прочее. И вообще римляне всегда сражаются пешими. К коннице они относятся... с пренебрежением. Поэтому они с пренебрежением относятся и ко мне.

– Ну и сами дураки, – отрезал Перси. – А ты что, Фрэнк?

– Я лучник, – пробормотал он. – Их тоже недолюбливают – только если ты не ребенок Аполлона. Тогда это тебя извиняет. Я надеюсь, что мой отец *правда* Аполлон, но не знаю. С поэзией у меня не очень. И я не уверен, что хочу быть родственником Октавиана.

– Не стану тебя винить, – сказал Перси. – Но с луком ты обращаешься мастерски – как ты пригвоздил тех горгон! Забудь, что думают остальные.

Лицо Фрэнка стало таким же красным, как разведенный «Кул-Эйд» Дакоты.

– Если бы все было так просто! Все считают, что я должен быть мечником, потому что я большой и сильный. – Он взглянул на себя, словно не мог поверить, что это его тело. – Все говорят, что я слишком здоровый для лучника. Может, если мой отец наконец объявится...

Пару минут они ели в тишине. «Если мой отец наконец объявится...» – Хейзел знала, каково это. И что-то ей подсказывало, что Перси тоже.

– Ты спросил насчет Пятой, – нарушила она молчание. – Почему ее считают худшей когортой. Все началось еще до нас. – Она указала на дальнюю стену, где стояли legionные штандарты. – Видишь пустой шест посередине?

– Орел, – сказал Перси.

Хейзел не смогла скрыть изумления:

– Откуда ты знаешь?

Перси пожал плечами:

– Вителлий упомянул, что когда-то очень давно легион потерял орла – в *первый* раз, по его словам. И по его виду было ясно, что это жуткий позор. Ну, я и предположил, что сейчас его тоже нет. И судя по вашему разговору с Рейной, это случилось не так давно, причем в этом как-то виновата Пятая когорта.

Хейзел сделала себе мысленную пометку никогда больше не недооценивать Перси. Поначалу он показался ей немного глуповатым – все эти вопросы про «пир фон Туны» и так далее, – но, похоже, это была лишь видимость, на самом деле он куда умнее.

– Верно, – подтвердила она. – Именно так все и было.

– Так что это за орел такой? Из-за чего весь сыр-бор?

Фрэнк посмотрел по сторонам – не подслушивает ли кто:

– Это символ всего лагеря – большой орел, отлитый из золота. По идее, он должен оберегать нас в битве и устрашать противников. Каждый орел наделял свой легион особыми силами, и наш связан с самим Юпитером. Считается, что Юлий Цезарь назвал наш легион «Фульмината» – «молнией вооруженный» – как раз из-за того, что мог делать наш орел.

– Я не в восторге от молний, – признался Перси.

– Ну, не то чтобы он делал нас непобедимыми... – пожала плечами Хейзел. – В первый раз Двенадцатый легион потерял своего орла в далеком прошлом, во время Первой Иудейской войны¹⁷.

– Кажется, я видел фильм с таким названием, – сказал Перси.

Хейзел кивнула:

– Может быть. Есть куча книг и фильмов о том, как легионы теряли своих орлов. К сожалению, это не такая уж редкость. Орлы были так важны, что... ну, археологи не нашли *ни одного* орла Древнего Рима. Каждый легион защищал своего до последнего, потому что в них была заключена сила богов. Их прятали или плавили – лишь бы они не попали в руки врагам. В первый раз Двенадцатому легиону повезло: мы смогли вернуть нашего орла. Но во второй раз...

– Вы были там, когда это случилось? – спросил Перси.

Они оба замотали головой.

– Я здесь ненамного дольше тебя. – Фрэнк постучал пальцем по своему пробацио-жетону. – Вступил в прошлом месяце. Но все слышали эту историю. Хотя и поговаривают, что обсуждать ее – к несчастью. В восьмидесятые организовали масштабную экспедицию на Аляску...

– Помнишь то пророчество в храме? – продолжила Хейзел. – Про семь полубогов и Врата смерти? Нашим претором в то время был Майкл Варрус из Пятой когорты, которая тогда была лучшей в лагере. Он решил, что принесет славу всему легиону, если сможет расшифровать пророчество и исполнить его – спасти мир от огня и бури и все такое. Он поговорил с авгуром, и тот сказал, что ответ ждет на Аляске, но предупредил Майкла, что еще не время. Пророчество было не о нем.

– Но он все равно пошел, – предположил Перси. – И что произошло?

Фрэнк понизил голос:

– Долгая и кровавая история. Почти вся Пятая когорта была перебита. Большая часть легионного оружия из имперского золота оказалась потеряна вместе с орлом. Выжившие либо сошли с ума, либо категорически отказывались говорить о том, кто на них напал.

«Вот я знаю, кто это был», – мрачно подумала Хейзел. Но промолчала.

– С тех пор, – продолжал Фрэнк, – лагерь начал слабеть. Поиски стали намного опаснее. Атаки монстров у границ участились. Мораль упала. А за последний месяц или около того ситуация усугубляется все сильнее и быстрее.

– И всю вину свалили на Пятую когарту, – догадался Перси. – Поэтому все думают, что мы прокляты.

¹⁷ Первая Иудейская война (66–73 гг.) – восстание евреев против владычества Римской империи. Происходило на территории современного Израиля, а также в Египте, Сирии и Александрии. Первая попытка подавить бунт окончилась неудачей: правитель Сирии Гай Цестий Галл двинулся к Иерусалиму во главе Двенадцатого легиона и потерпел поражение. В конце концов восставшие были разбиты, но победа далась Риму дорогой ценой и не принесла много славы.

Хейзел с запозданием заметила, что ее гамбо успело остыть. Она проглотила ложку, но знакомый вкус не принес ни удовольствия, ни покоя.

– Нас считают неудачниками легиона с тех пор как... ну, с той катастрофы на Аляске. Наша репутация улучшилась, когда Джейсон стал претором...

– Тот парень, который пропал? – вспомнил Перси.

– Ага, – сказал Фрэнк. – Я его не знал. Это случилось до меня. Но я слышал, что он был хорошим лидером. Практически вырос в Пятой когорте. Ему было все равно, что о нас думали. Он начал восстанавливать репутацию когорты. А потом пропал.

– И это отбросило нас в самое начало, – посетовала Хейзел. – Все только уверились, что мы прокляты. Прости, Перси. Теперь ты знаешь, во что вляпался.

Перси отпил своей голубой газировки и обвел задумчивым взглядом обеденный зал:

– Я даже не знаю, кто я... но у меня такое чувство, что это не в первый раз, когда я оказываюсь в аутсайдерах. – Он посмотрел на Хейзел и выдавил из себя улыбку. – И потом, лучше вступить в легион, чем бегать по лесам и полям от чудовищ. Теперь у меня есть новые друзья. Может, вместе нам удастся переломить эту ситуацию с Пятой когортой, хм?

В конце зала протрубил горн. Сидящие за преторским столом офицеры встали – даже Дакота, рот которого из-за «Кул-Эйда» стал по-вампиРСки красным.

– Игры начинаются! – объявила Рейна.

Обитатели лагеря ответили радостными возгласами и поспешили к сложенному вдоль стен оружию.

– Так мы в команде атакующих? – перекричал Перси поднявшийся гвалт. – Это хорошо?

Хейзел пожала плечами:

– Хорошая новость: у нас будет слон. Плохая новость...

– Дай угадаю, – сказал Перси. – Пятая когорта всегда проигрывает.

Фрэнк хлопнул его по плечу:

– Он мне нравится. Идем, новый друг! Запишем на мой счет тринадцатое поражение подряд.

9. Фрэнк

По дороге на военные игры Фрэнк прокручивал в голове прошедший день. Трудно было поверить, как близко он оказался к смерти.

Этим утром, во время караульной службы, перед тем как объявился Перси, Фрэнк едва не рассказал Хейзел свой секрет. Они простояли в холодном тумане несколько часов, наблюдая за мчащимися по Двадцать четвертому шоссе автомобилями. Хейзел пожаловалась на холод.

– Все бы отдала, чтобы согреться, – сказала она, стуча зубами. – Жаль, что у нас нет огня.

Даже в доспехах она выглядела классно. Фрэнку нравилось, как ее волосы цвета тоста с корицей закручиваются по краю шлема и как у нее на переносице появляется складка, когда она хмурится. Рядом с Фрэнком она казалась крошечной, и он чувствовал себя большим неуклюжим волком. Ему хотелось обнять ее и согреть, но он бы никогда не решился. Скорее всего, она бы ему врезала и он бы лишился единственного друга в лагере.

«Я мог бы развести мощное пламя, – подумал он. – Конечно, оно бы горело всего несколько минут, и потом я бы умер...»

Ему стало страшно. Как ему вообще пришла в голову эта мысль?! Но такой уж эффект оказывала на него Хейзел. Когда ей что-то было нужно, у него возникала иррациональная потребность ее этим обеспечить. Ему хотелось быть старомодным рыцарем, скачущим ей на выручку – что было глупо, так как она во всем была гораздо способнее его.

Он представил, что бы по этому поводу сказала его бабушка: «Фрэнк Чжан, скачущий на выручку?! Ха! Он бы свалился с лошади и сломал себе шею».

Трудно поверить, что прошло всего шесть недель, как он покинул бабушкин дом – шесть недель с похорон мамы.

С тех пор его жизнь кардинально изменилась: волки явились к бабушкиному порогу, он пришел в Лагерь Юпитера и провел в Пятой когорте уже несколько недель, стараясь не прослыть полным неудачником. И все это время носил в кармане пальто наполовину сгоревший кусочек дерева, завернутый в ткань.

«Держи его при себе, – напутствовала бабушка. – Пока он цел, ты тоже в безопасности».

Вот только он так легко загорался. Фрэнк вспомнил свое путешествие из Ванкувера на юг. Неподалеку от Маунт-Худ, где температура упала ниже нуля, Фрэнк достал деревяшку и сжал ее в ладонях, представляя, как было бы здорово согреться у костра. И тут же ее конец вспыхнул обжигающим желтым пламенем. Оно осветило ночь и согрело Фрэнка до костей, но он чувствовал, как его жизнь ускользает, будто это сгорал *он*, а не деревяшка. Он торопливо сунул ее в сугроб, но огонь продолжал гореть, и на одно невыразимо страшное мгновение его охватила паника. Затем пламя потухло. Фрэнк взял себя в руки, завернул волшебный кусочек дерева и убрал назад в карман, полный решимости никогда больше его не доставать. Но он о нем не забыл.

И разумеется, только о нем и мог думать.

Во время караульных служб с Хейзел он старался отвлечься от этих мыслей. Ему нравилось проводить с ней время. Он попытался расспросить ее о жизни в Новом Орлеане, но его вопросы явно ее нервировали, и они быстро переключились на болтовню ни о чем. Для смеха попробовали говорить по-французски. По маминой линии в Хейзел было немного креольской крови. Фрэнк учил французский в школе. Оба были далеки от свободного владения языком, к тому же луизианский французский так сильно отличается от канадского, что они едва друга понимали. После того как Фрэнк спросил Хейзел, как чувствует себя сегодня ее говядина, а она ответила, что ее туфля зеленая, они решили бросить это дело.

А потом появился Перси Джексон.

Конечно, Фрэнку и раньше доводилось наблюдать за сражениями с монстрами. Он и сам одолел немало их на пути из Ванкувера. Но горгон увидел впервые. Как и богиню. А как Перси подчинил себе Малый Тибр – просто вау! Фрэнк бы тоже не отказался от таких сил.

Он все еще отчетливо помнил боль от впившихся в руки когтей и змеиное дыхание горгон, воняющее мертвыми мышами и ядом. Если бы не Перси, эти страшилища унесли бы его и сейчас от него бы осталась лишь горка костей где-нибудь за дисконт-центром.

После случившегося на реке Рейна отправила Фрэнка в арсенал, и это дало ему время все обдумать. Полируя мечи, он вспомнил предупреждение Юоны о необходимости вызволить Смерть.

Увы, Фрэнк догадывался, о чем говорила богиня. Он постарался скрыть свое потрясение, когда она появилась, но Юона выглядела именно так, как ее описала бабушка – вплоть до накидки из козьей шкуры.

«Она определила твой путь много лет назад, – сказала ему бабушка. – И он не будет простым».

Фрэнк покосился на свой лук в углу арсенала. Ему стало бы легче, если бы Аполлон его признал. Фрэнк был уверен, что его божественный родитель объявится на его шестнадцатый день рождения – но с тех пор прошло уже две недели.

Шестнадцатилетие считалось важным этапом для римлян. И это был первый день рождения Фрэнка, который он справил в лагере. Но ничего не произошло. Теперь Фрэнк надеялся, что его признают во время Пира Фортуны, хотя, судя по словам Юоны, в этот день их ждет бой насмерть.

Он *верил*, что его отец – Аполлон. Стрельба из лука была единственным занятием, в котором Фрэнк преуспел. Когда-то давно мама сказала, что их фамилия Чжан переводится с китайского как «мастер луков». Наверняка это был намек на его отца.

Фрэнк отложил тряпки для полирования и воздел глаза к потолку:

– Пожалуйста, Аполлон, если ты мой отец, скажи мне. Я хочу быть лучником, как ты.

– А вот и не хочешь, – проворчал голос.

Фрэнк вскочил как подброшенный. Позади него мерцал Вителлий, лар Пятой когорты. Его полное имя было Гай Вителлий Ретикул, но остальные когорты звали его Вителлий Редискул.

– Хейзел Левеск прислала меня проверить, как ты, – сказал лар, подтянув ремень от меча. – И не зря. Только взгляни на состояние этих доспехов!

Кто бы говорил. Тога Вителлия висела мешком, туника на животе опасно натянулась, и ножны спадали с ремня каждые три секунды, но Фрэнк предпочел промолчать.

– А что касается лучников, – продолжил призрак, – они хлюпики! В мои времена только варвары стреляли из лука. Достойный римлянин должен быть в гуще схватки, поражать врага копьем и мечом, как подобает цивилизованному человеку! Именно так мы сражались в Пунических войнах¹⁸. Веди себя как римлянин, мальчик!

Фрэнк вздохнул:

– Я думал, ты был в армии Цезаря.

– Так и есть!

– Вителлий, Цезарь правил на пару сотен лет позже Пунических войн. Ты не мог жить так долго.

¹⁸ Речь идет о трех войнах между Римской республикой и «пунами», то есть финикийцами. Их государство и столица назывались Карфаген. Пунические войны с перерывами продолжались с 264 по 146 г. до н. э. и закончились победой Рима. Карфаген был разрушен.

– Сомневаешься в моей честности?! – Вителлий выглядел таким разъяренным, что его фиолетовая аура засияла. Он обнажил свой призрачный гладиус и, крикнув «Получай!», несколько раз рассек клинком грудь Фрэнку, что было не опаснее лазерной указки.

– Ай, – сказал Фрэнк чисто из вежливости.

Вителлий с довольным видом убрал меч:

– В следующий раз, надеюсь, ты дважды подумаешь, прежде чем сомневаться в старших! А теперь... твой шестнадцатый день рождения был недавно, верно?

Фрэнк кивнул. Он не знал, откуда Вителлию об этом известно – Фрэнк сказал лишь Хейзел, но у привидений имелись свои методы вынюхивания секретов. Одним из них, вероятно, было подслушивание, несложное для невидимок.

– Так вот почему ты такой ворчливый гладиатор, – сказал лар. – Понимаю. Шестнадцатилетие – это начало зрелости! Твой божественный родитель должен был тебя признать, совершенно точно, послать какой-нибудь знак, пусть самый незначительный. Может, он решил, что ты младше? Ты выглядишь младше из-за своих пухлых детских щечек, ты в курсе?

– Спасибо за напоминание, – пробормотал Фрэнк.

– Да, я помню свое шестнадцатилетие, – со счастливым видом протянул Вителлий. – Изумительный знак! Курица в моем нижнем белье.

– Прости, что?

Вителлий раздулся от гордости:

– Ты все правильно услышал! Я переодевался у реки, готовясь к своей либералии. Ну, знаешь, обряд посвящения в мужчины. В мое время все делалось должным образом. Я снял свою детскую тогу и обмывался, чтобы надеть взрослую. Внезапно откуда ни возьмись прибежала белая курица, нырнула под мою набедренную повязку и умчалась вместе с ней. В тот день я ходил без нее.

– Очень интересно, – сказал Фрэнк. – А еще я бы обошелся без таких подробностей.

– Мм-м-м. – Вителлий не слушал. – Это был знак, что я происхожу от Асклепия, бога медицины. В качестве напоминания о том благословенном дне, когда курица украла мою набедренную повязку, я взял себе когноменом – третьим именем – Ретикул, что означает «нижнее белье».

– Так... Значит, тебя зовут мистер Нижнее Белье?

– Хвала богам! Я стал хирургом в легионе, а остальное уже история. – Он развел руками в великодушном жесте. – Не падай духом, мальчик. Может, твой отец запаздывает. Конечно, чаще всего знаки не столь драматичны, как появление курицы. Знал я одного паренька, так ему скарабей...

– Спасибо, Вителлий, – прервал его Фрэнк. – Но мне еще нужно закончить полировать эти доспехи...

– А горгонская кровь?

Фрэнк замер. Он никому об этом не рассказывал. Насколько ему было известно, только Перси видел, как он достал из реки пузырьки, и они еще не успели об этом поговорить.

– Будет тебе, – укорил Вителлий. – Я целитель. Мне известны легенды о горгонской крови. Покажи пузырьки.

Фрэнк неохотно достал две керамические бутылочки, поднятые им из Малого Тибра. Когда побежденные чудовища рассеивались, после них часто оставались трофеи – иногда зуб, иногда оружие, а порой и целая голова. Фрэнк сразу же понял, что находится в пузырьках. По традиции они принадлежали Перси, ведь это он убил горгон, но Фрэнк не мог отделаться от мысли «А вдруг они мне пригодятся?».

– Да, – одобрительно сказал Вителлий, рассматривая бутылочки. – Кровь, взятая из правой половины тела горгоны, может излечить любую болезнь, даже вернуть к жизни. Богиня

Минерва однажды дала такой пузырек моему небесному предку Асклепию. Но кровь из левой половины сулит мгновенную смерть. Так какая из них какая?

Фрэнк посмотрел на бутылочки:

– Не знаю. Они же одинаковые.

– Ха! Но ты надеешься, что правый пузырек решит твою проблему с волшебной деревяшкой, да? Что он снимет с тебя проклятие?

Фрэнк слова не мог вымолвить – так он был обескуражен.

– О, не волнуйся, мальчик, – усмехнулся призрак. – Я никому не скажу. Я лар, покровитель когорты! Я не стану подвергать тебя опасности.

– Ты проткнул мне грудь мечом.

– Поверь мне, мальчик! Я сочувствую тебе: проклятие того аргонавта – нелегкая ноша.

– Какое еще проклятие?!

Вителлий отмахнулся:

– Не скромничай. У твоего рода древние корни. Не только римские, но и греческие. Неудивительно, что Юнона... – Он наклонил голову, словно прислушиваясь к доносящемуся откуда-то сверху голосу. Его лицо обмякло, и вся аура позеленела. – Я сказал достаточно! В любом случае решай сам, кому достанется горгонская кровь. Полагаю, этому новенькому, Перси, она тоже может помочь с его проблемами с памятью.

Фрэнку было интересно, что Вителлий хотел сказать и что его так напугало, но призрак явно не собирался об этом распространяться.

Фрэнк снова посмотрел на пузырьки. У него и мысли не возникло, что Перси они тоже могут понадобиться, и ему стало стыдно за свое желание оставить кровь себе.

– Да. Конечно. Я отдам их ему.

– А позволь дать тебе совет... – Вителлий нервно покосился на потолок. – Вам обоим стоит повременить с этой горгонской кровью. Если мои источники верны, она вам понадобится во время вашего поиска.

– Поиска?

Двери арсенала распахнулись, и внутрь вбежала Рейна в сопровождении своих металлических борзых. Вителлий испарился. Может, он и питал симпатию к курицам, но преторских псов недолюбливал.

– Фрэнк, – Рейна выглядела обеспокоенной, – заканчивай с доспехами. Иди найди Хейзел. Приведи Перси Джексона сюда. Он уже слишком долго на холме. Я не хочу, чтобы Октавиан... – Она осеклась. – Просто отведи Перси вниз.

Так Фрэнку пришлось бежать до самого Храмового холма.

По дороге назад Перси спросил его о брате Хейзел, Нико, но Фрэнк мало что о нем знал.

– Он ничего, – сказал он. – Не как Хейзел, но...

– В каком смысле? – тут же ухватился Перси.

– О, э-эм... – Фрэнк кашлянул. Он хотел сказать, что Хейзел симпатичнее и дружелюбнее, но решил оставить это при себе. – Нико – парень таинственный. Он заставляет окружающих нервничать – сын Плутона и все такое.

– Но не тебя?

Фрэнк пожал плечами:

– Я ничего не имею против Плутона. Не его вина, что он правит Царством Мертвых. Ему просто не повезло, когда боги делили зоны влияния, понимаешь? Юпитер получил небо, Нептун – море, а Плутон – сплошную головную боль.

– Смерть тебя не пугает?

Фрэнк едва не засмеялся: «Ни капельки! Спички не найдется?»

Но вместо этого сказал:

– В древности, в смысле во времена Древней Греции, когда Плутона звали Аидом, он был по большей части богом смерти. Но став римским богом, он... сделался более респектабельным, что ли. Стал еще и богом богатства. Все, что есть под землей, принадлежит ему. Поэтому не думаю, что он такой уж страшный.

Перси почесал голову:

– Как бог может поменять *национальность*? Если он был греческим, разве он не должен таким и оставаться?

Какое-то время Фрэнк шагал молча, обдумывая ответ. Вителлий затыкнул бы часовую лекцию, еще бы и презентацию в «PowerPoint» состряпал, но Фрэнк постарался объяснить так, как он это понимает:

– По мнению римлян, они взяли себе все греческое и довели это до совершенства.

Перси скорчил гримасу:

– Довели до совершенства? А до них, значит, что-то было не так?

Фрэнк вспомнил слова Вителлия: «У твоего рода древние корни. Не только римские, но и греческие». Его бабушка тоже упоминала о чем-то подобном.

– Не знаю, – признался он. – Рим был успешнее Греции. Они построили огромную империю. Во времена ее главенства боги играли очень важную роль – они стали могущественнее и известнее, им поклонялись на всех землях империи. Поэтому они до сих пор повсюду. Столько цивилизаций берут свое начало в Риме. Боги перешли туда, потому что в Рим сместился центр влияния и власти. Юпитер... ну, как римский бог он стал более ответственным, чем когда был Зевсом. Марс стал намного важнее и дисциплинированнее...

– ...а Юнона превратилась в старую хиппи, – добавил Перси. – Хочешь сказать, старые греческие боги навеки превратились в римских? И от греческих ничего не осталось?

– Э-э... – Фрэнк оглянулся по сторонам – нет ли рядом других обитателей лагеря или ларов, но до главных ворот оставалась еще сотня ярдов. – Это деликатный вопрос. Кто-то говорит, что греческое влияние не пропало совсем, что оно все еще является частью личностей богов. Я слышал истории о полубогах, которые уходили из Лагеря Юпитера, потому что отвергали римское учение и хотели следовать старому греческому стилю – быть героями-одиночками, а не работать в команде, как принято в легионе. И потом, в древности, когда Рим пал, именно восточная половина империи выстояла – греческая половина.

Перси уставился на него:

– Я этого не знал.

– Она называлась Византия. – Фрэнку нравилось это слово, оно звучало круто. – Восточная империя просуществовала еще целое тысячелетие, но она была скорее греческой, чем римской. Для тех, кто следует римским традициям, это вроде как большая тема. Поэтому, в какой бы стране мы ни обустраивались, Лагерь Юпитера всегда находится на западе – на *римской* части территории. Восточная считается несчастливой.

– Хм. – Перси нахмурился.

Фрэнк его не винил. У него у самого голова шла кругом от всей этой греческо-римской каши.

Они подошли к воротам.

– Я отведу тебя в термы, приведешь себя в порядок, – сменил тему Фрэнк. – Но сначала... насчет тех пузырьков, что я нашел в реке...

– Горгонская кровь, – сказал Перси. – Один пузырек исцеляет. В другом смертельный яд. Фрэнк изумленно распахнул глаза:

– Ты об этом *знаешь*?! Слушай, я не собирался оставлять их себе. Я просто...

– Я знаю, почему ты так поступил, Фрэнк.

– Правда?

– Ага. – Перси улыбнулся. – Приди я в лагерь с пузырьком яда, это бы выглядело плохо. Ты хотел меня защитить.

– О... да. – Фрэнк вытер внезапно вспотевшие ладони. – Но если нам удастся понять, в каком пузырьке что, ты сможешь вернуть себе память.

Улыбка Перси увяла. Его взгляд скользнул по холмам.

– Может быть... Как вариант. Но пока придержи пузырьки у себя. Близится битва. Они могут нам понадобиться, чтобы спасти жизни.

Фрэнк уставился на него в легком восхищении. У Перси появился шанс вернуть воспоминания, но он хочет подождать – вдруг кому-то пузырек понадобится больше? Римлян принято считать бескорыстными и готовыми немедленно броситься на помощь соратникам, но Фрэнк сомневался, что кто-либо еще из лагеря сделал бы такой выбор.

– Так ты совсем ничего не помнишь? – спросил он. – Ни свою семью, ни друзей?

Перси провернул в пальцах бусины у себя на шее:

– Только отголоски. Смазанные картинки. У меня есть девушка... Я думал, что она будет в лагере. – Он внимательно посмотрел на Фрэнка, словно обдумывая, говорить или нет. – Ее зовут Аннабет. Ты ее не знаешь?

Фрэнк помотал головой:

– Я знаю всех в лагере, но Аннабет здесь нет. А что насчет твоей семьи? Твоя мама смертная?

– Видимо, да... она, наверное, с ума сходит от переживаний. Ты со своей мамой часто видишься?

Фрэнк остановился у входа в термы и взял с полки несколько полотенец:

– Она умерла.

Перси нахмурился:

– Как это случилось?

Обычно Фрэнк лгал что-нибудь насчет «несчастливого случая» и сворачивал разговор. Иначе эмоции грозили его захлестнуть, а в Лагере Юпитера плакать нельзя: нельзя показывать слабость. Но говорить об этом с Перси почему-то было не так тяжело.

– Она погибла на войне, – сказал он. – В Афганистане.

– Она служила в армии?

– В канадской. Да.

– В канадской? Я не знал...

– Большинство американцев не знают. – Фрэнк вздохнул. – Но да, у Канады там есть войска. Моя мама была капитаном. Она стала одной из первых женщин, погибших в бою. Она спасала солдат, оказавшихся под вражеским огнем, и... не вернулась. Сразу после похорон я отправился сюда.

Перси кивнул. Он не выпытывал подробности, и Фрэнк был ему за это благодарен. Еще Перси не стал говорить «мне очень жаль» или еще что-нибудь из серии вежливых благожелательных комментариев, которые Фрэнк ненавидел: «Ой, бедняжка. Тебе, должно быть, так тяжело. Прими мои искренние соболезнования».

Перси вел себя так, словно ему приходилось встречаться со смертью и он по себе знал, что такое горе. Важно просто слушать. Пустые сожаления не нужны. Единственное, что может помочь, – это продолжать жить, продолжать двигаться вперед.

– Ну что, покажешь мне эти ваши термы? – предложил Перси. – А то я на чушку похож.

Фрэнк выдавил улыбку:

– Есть такое.

Они зашли в наполненное паром помещение. Фрэнк подумал о бабушке, маме и своем проклятом детстве – спасибо Юноне и волшебному кусочку дерева, – и ему почти захотелось тоже забыть о своем прошлом, прямо как Перси.

10. Фрэнк

Самих похорон Фрэнк почти не помнил. Но помнил несколько часов перед ними – как бабушка вышла на задний двор, где он расстреливал из лука ее коллекцию фарфора.

Бабушка жила в Северном Ванкувере, в несуразно огромном особняке из серого камня, стоящем на участке в двенадцать акров, на границе с парком «Линн Каньон».

То утро выдалось холодным, моросил дождик, но Фрэнк ничего не замечал. Он был в черном шерстяном костюме и черном пальто, когда-то принадлежавшем деду. Фрэнк удивился и расстроился, что и то и то оказалось ему впору. От одежды пахло мокрыми нафталиновыми шариками и жасмином. Ткань кололась, но зато было тепло. С луком и колчаном он, наверное, выглядел как очень опасный дворецкий.

Он загрузил тачку бабушкиным фарфором, откатил ее к забору, опоясывающему территорию, и расставил на столбах первую линию мишеней. Он стрелял так долго, что пальцы начали неметь. Выпуская стрелу, он всякий раз представлял, что поражает свои проблемы.

Снайперы в Афганистане. *Бах!* Чайник взорвался от попавшей прямо в центр стрелы.

Медаль за самопожертвование, серебряный диск на красно-черной ленте, которой награждают за смерть во время исполнения долга. Фрэнку вручили ее с такой важностью, будто она могла все исправить. *Дзынь!* Чайная кружка улетела в лес.

Офицер, подошедший к нему, чтобы сказать: «Твоя мама герой. Капитан Эмили Чжан погибла, пытаясь спасти своих соратников». *Хрусть!* Бело-голубая тарелка разлетелась вдребезги.

Бабушкины наставления: «Мужчины не плачут. Особенно Чжаны. Терпи, Фай».

Кроме нее никто его так не называл.

«Что это за имя – Фрэнк?! – возмутилась бы она на это замечание. – Это не китайское имя».

«Я не китаец», – подумал Фрэнк, но вслух произнести бы это не посмел. Как однажды сказала мама много лет назад: «Спорить с бабушкой бесполезно. Тебе же будет хуже». Она была права. И теперь у Фрэнка осталась только бабушка.

Тук! Четвертая стрела вонзилась в столб и застряла, подрагивая.

– Фай, – позвала бабушка.

Фрэнк повернулся.

Она держала в руках сундучок из красного дерева размером с коробку из-под обуви. Фрэнк никогда его раньше не видел. В черном платье с высоким воротником и убранными в тугой узел седыми волосами бабушка напоминала учительницу начала девятнадцатого века.

Она обозрела сцену побоища: ее фарфор в тачке, валяющиеся по всей лужайке осколки любимого чайного сервиза и стрелы, торчащие из земли, деревьев, столбов и головы улыбающегося садового гнома.

Фрэнк ожидал, что она закричит или стукнет его сундучком. Он еще никогда не вытворял ничего подобного. Никогда не был так зол.

Бабушкино лицо излучало горечь и осуждение. Они с мамой были совсем не похожи. Фрэнк поражался, как маме удалось вырасти такой хорошей – она всегда была доброй, смешливой. Он не мог представить себе ее детство с бабушкой – точно так же как не мог представить ее на поле боя, хотя вряд ли эти две ситуации так уж сильно отличались.

Он ждал, когда бабушка взорвется. Может, его посадят под домашний арест и ему не придется идти на похороны. Ему хотелось отомстить ей за то, что она вечно всем недовольна, что разрешила маме уйти на войну, что упрекала его, потому что он «не может взять себя в руки». Ее заботила лишь ее дурацкая коллекция.

– Прекрати, не позорься, – сказала бабушка, но в ее тоне не слышалось особой раздражительности. – Это недостойно тебя. – К изумлению Фрэнка, она пнула одну из своих любимых чашек. – Машина скоро приедет, – добавила она. – Нам нужно поговорить.

Фрэнк не знал, что и думать. Он присмотрелся к сундучку. На одно страшное мгновение ему подумалось, что внутри мамин прах, но этого не могло быть. Бабушка сказала, похороны пройдут по военным традициям. Так почему же она так осторожно держит сундук, словно его содержимое доставляет ей мучения?

– Идем внутрь, – сказала бабушка, развернулась и, не дожидаясь, когда он за ней последует, направилась к дому.

В гостиной Фрэнк сел на обитый бархатом диван, стоящий в окружении винтажных семейных фотографий, фарфоровых ваз, которые были даже больше тачки, и красных флажков с китайской каллиграфией. Фрэнк понятия не имел, что на них написано. Он никогда не проявлял особого интереса к изучению китайского языка и почти никого не знал на фотографиях.

Всякий раз, когда бабушка заводила свою лекцию о предках, как они приехали из Китая и поднялись на импорте и экспорте, став в итоге одной из богатейших китайских семей в Ванкувере... ну, ему быстро становилось скучно. Фрэнк был канадцем в четвертом поколении. Ему не было никакого дела до Китая и всего этого заплесневелого антиквариата. Он знал лишь два китайских иероглифа: их фамилию – Чжан. Мастер луков. Вот это было круто.

Бабушка села рядом – спина прямая, руки сложены на сундучке – и неохотно начала:

– Твоя мама просила тебе это отдать. Она хранила его с тех пор, когда ты был еще младенцем. Уходя на войну, она отдала его мне. Но она нас покинула. И скоро ты тоже уйдешь.

У Фрэнка засосало под ложечкой:

– Уйду? Куда?

– Я стара, – сказала бабушка таким тоном, будто открыла ему тайну. – До моей встречи со Смертью осталось не так уж долго. Я не могу научить тебя тому, чему ты должен научиться, и я не могу хранить эту ношу. Если с этим что-то случится, я никогда себе не прощу. Ты умрешь.

Фрэнк решил, что, по всей видимости, он ослышался. Потому что по ее словам выходило, что его жизнь зависит от этого сундучка. Почему он никогда его раньше не видел? Должно быть, тот стоял в закрытой мансарде – единственной комнате, куда Фрэнку запрещено заходить. Бабушка всегда говорила, что там хранятся ее самые ценные сокровища.

Она отдала ему сундучок. Дрожащими пальцами он поднял крышку. Внутри на бархатной подкладке лежала внушающая ужас, переворачивающая жизнь с ног на голову, невыразимо важная... деревяшка.

Она напоминала обычное полено – кусок плотной и гладкой древесины волнистой формы размером с пульт от телевизора. Один ее конец обгорел. Фрэнк коснулся его – и ощутил тепло. На пальце остался черный мазок сажи.

– Это палка, – сказал он, не понимая, почему бабушка говорит о ней с таким напряжением и серьезностью.

Ее глаза блеснули:

– Фай, ты слышал о пророчествах? Знаешь о богах?

От этих вопросов ему стало неуютно. Он вспомнил бабушкины глупые золотые статуэтки китайских бессмертных, ее суеверные убеждения, что мебель нужно ставить в определенных местах и что некоторых чисел стоит избегать, потому что они несчастливые. При слове «пророчества» перед глазами встали печенья с предсказаниями, хотя на самом деле они пришли вовсе не из Китая, но ребята в школе постоянно дразнили его из-за всякой подобной ерунды:

«Как говорил Конфуций¹⁹...» – и все в таком духе. Фрэнк даже ни разу не был в Китае. Ему все это было безразлично. И конечно же, бабушка этого категорически не одобряла.

– Немного, бабушка, – ответил он. – Чуть-чуть.

– Большинство посчитали бы твою мать сумасшедшей. Но не я. Я знаю о пророчествах и богах. Греческие, римские, китайские – все они переплетены в нашей семье. Я никогда не сомневалась в ее словах о том, кем был твой отец.

– погоди... что?

– Твой отец был богом, – просто сказала бабушка.

Будь у нее чувство юмора, Фрэнк решил бы, что она над ним смеется. Но бабушка никогда не шутила. Неужели у нее начался старческий маразм?

– Рот закрой! – повысила она голос. – Мой рассудок в полном порядке. Ты никогда не задавался вопросом, почему твой отец не вернулся?

– Он... – Фрэнк осекся. Ему и так было больно из-за смерти мамы. Он не хотел говорить еще и об отце. – Он служил, как и мама. И пропал во время миссии. В Ираке.

– Бха! Он был богом. Он влюбился в твою мать, потому что она была прирожденным воином. Как я – сильной и смелой, доброй и красивой.

В «сильную» и «смелую» Фрэнк еще мог поверить. А вот представить бабушку «доброй» и «красивой» фантазии не хватало.

Он все еще подозревал, что у нее поехала крыша, но все равно спросил:

– Каким богом?

– Римским, – ответила она. – Больше я ничего не знаю. Твоя мать не рассказывала, если вообще знала. Нет ничего удивительного, что он зацепился за нее взглядом – учитывая нашу семью. Он должен был знать, из какого она рода.

– Минутку... мы китайцы. С чего римским богам хотеть встречаться с канадскими китайцами?

Ноздри бабушки гневно раздулись:

– Если бы ты озаботился узнать свою семейную историю, Фай, ты бы не задавал таких вопросов. Китай и Рим не так уже сильно отличаются и связаны гораздо больше, чем может показаться. Наша семья родом из провинции Ганьсу, из города Лицян. А до этого... как я уже сказала, наша кровь древняя. Кровь принцев и героев.

Фрэнк молча уставился на нее.

Она возмущенно выдохнула:

– Зачем я только трачу на тебя слова, юный ты вол! Сам узнаешь правду, когда отправишься в лагерь. Возможно, твой отец там тебя признает. А пока мне нужно объяснить тебе про этот волшебный кусочек дерева. – Она указала на большой каменный камин. – Вскоре после твоего рождения там появилась неожиданная гостья. Мы с твоей матерью сидели здесь, на диване, прямо как мы с тобой сейчас. Ты был таким крошкой, завернутым в голубое одеяльце, и она баюкала тебя на руках. – То, что должно было быть светлым воспоминанием, она описывала таким удрученным тоном, словно уже тогда знала, что Фрэнк вырастет в большого неуклюжего дурака. – В огне возникла женщина, – продолжала она. – Белая женщина – *гуай-ло* – в голубом шелковом платье и в странной накидке, кажется из козьей шкуры.

– Козьей? – ошарашенно пробормотал Фрэнк.

Бабушка нахмурилась:

– Да, прочисти уши, Фай Чжан! Я слишком стара, чтобы все тебе повторять! Женщина в накидке из козьей шкуры была богиней. Я сразу же это поняла. Она улыбнулась, глядя на

¹⁹ Конфуций (Кун Цю, Кун Фу-Цзы) (ок. 551–479 гг. до н. э.) – мыслитель и философ Древнего Китая. Его наследие оказало огромное влияние на жизнь и культуру Китая и всей Восточной Азии, став основой конфуцианства – философской системы и учения о правилах поведения князей, воинов, чиновников и крестьян. Был первым педагогом Поднебесной, основал первый университет.

малыша – на тебя, – и сказала твоей матери – заметь, на идеальном мандаринском: «Он завершит круг. Он вернет вашу семью к ее корням и принесет вам великую честь». – Она фыркнула. – Кто я, чтобы спорить с богинями, но, возможно, ее видение будущего было не столь ясным. Как бы то ни было, она сказала: «Он отправится в лагерь и восстановит там вашу репутацию. Он освободит Танатоса из его ледяных цепей...»

– Погоди, кого?

– Танатос, – нетерпеливо повторила бабушка, – греческое имя Смерти. И может, хватит перебивать?! Богиня сказала: «В этом ребенке сильна кровь Пилоса со стороны его матери. Он унаследует семейный дар Чжанов, но также будет обладать силами своего отца».

Внезапно семейная история перестала казаться Фрэнку такой уж скучной. В голове забурили вопросы об этих силах, дарах, крови Пилоса, о загадочном лагере и о том, кем был его отец. Но ему не хотелось опять прерывать бабушку, не хотелось, чтобы она умолкала.

– У всякой силы есть цена, Фай, – продолжала она. – Прежде чем исчезнуть, богиня указала на огонь и сказала: «Он будет сильнейшим в вашем клане, величайшим. Но Судьбы решили, что он окажется и наиболее уязвимым. Пламя его жизни будет ярко и скоротечно. Как только этот кусочек дерева – эта деревяшка на краю – сгорит, твоему сыну предстоит умереть».

Фрэнк едва не задохнулся. Он посмотрел на сундучок у себя на коленях, на черный мазок на своем пальце. Чушь какая-то! Но почему-то от этого кусочка полена вдруг потянуло зловещим холодом, и он словно отяжелел.

– Это... это...

– Да, мой тупоголовый вол, – подтвердила бабушка. – Это та самая деревяшка. Богиня исчезла, и я тут же выхватила ее из огня. С тех пор мы храним ее.

– Если она сгорит, я умру?

– Это не такая уж неожиданность, – заметила бабушка. – И римляне, и китайцы верили, что конец многих судеб можно предсказать и порой даже уберечься от него, по крайней мере на какое-то время. Теперь этот волшебный кусочек дерева твой. Держи его при себе. Пока он цел, ты тоже в безопасности.

Фрэнк помотал головой. Ему хотелось возразить, что все это просто глупая легенда. Может, бабушка пыталась его напугать, таким необычным образом отомстив за разбитый фарфор?

Но в ее взгляде стоял вызов, словно она подначивала Фрэнка: «Не веришь? Так сожги его».

Фрэнк закрыл сундучок:

– Если он так уязвим, почему не покрыть его каким-нибудь невоспламеняющимся материалом – пластиком, например, или сталью? Почему не поместить в сейф?

– Что будет, – задумчиво произнесла бабушка, – если мы заключим его внутри какого-то вещества? Задохнешься ли ты тоже? Я не знаю. Твоя мать не решилась пойти на такой риск. Она никогда с ним не расставалась – боялась, что-то может пойти не так. Банки обворовывают. Здания могут сгореть в пожаре. Чего только не случается с теми, кто пытается обмануть судьбу! Твоя мать верила, что с ней деревяшка будет в безопасности, но потом она ушла на войну. И отдала ее мне. – Бабушка горько вздохнула. – Эмили поступила глупо, отправившись воевать, хотя, кажется, я всегда знала, что такова ее судьба. Она надеялась вновь встретить твоего отца.

– Она думала... она думала, что он в Афганистане?

Бабушка развела руками, будто говоря, что это за пределами ее понимания:

– Она ушла. И погибла, доблестно сражаясь. Она думала, что семейный дар защитит ее. Не сомневаюсь, что именно благодаря ему она спасла тех солдат. Но наш дар никогда не помогал нам самим. Он не помог моему отцу и *его*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.